

Война Купола

Автор:

[Сергей Коротков](#)

Война Купола

Сергей Александрович Коротков

Хроники Армады #2

Нельзя убить того, кто уже мертв. Невозможно повернуть время вспять, если оно нарушено. Не исправить ошибки тех, кто уже совершил их. Но нужно победить врага, который когда-то был повержен и восстал из мертвых, вернулся из прошлого, чтобы попытаться изменить настоящее, ввергнуть мирную реальность в хаос и посеять зло.

Студент Олег Куприн, обитающий в соцсетях под ником Купол, никогда не любил историю как предмет и проживал жизнь ровно и легко. Пока сама история не вторглась в его судьбу. И когда с враждебными намерениями вдруг появились они, сея смерть и разруху, ему пришлось встать на защиту своего города, друзей и родных. И объявить войну чужим...

Сергей Коротков

Война Купола

© Коротков С.А., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

От автора

Дорогие читатели! Я наконец-то осуществил свою мечту – написал этот роман. Давно шел к этой теме, с юношеских лет рисуя в голове образы героев, их действия, боевку и живо представляя себе ту атмосферу, царящую в современном городе, который вдруг оказался... Хорошо! Не буду спойлерить раньше времени, прочитаете сами. Хочу сказать только одно. Каким бы ни показался вам роман, плохим или хорошим, скучным или живым, я надеюсь, что он все же понравится вам. Это та реальность, в которой завтра может оказаться любой из вас. Как и кто поведет себя в сложных, зачастую страшных ситуациях, конечно же, решать вам самим, но на страницах своего произведения я попытался изложить примеры поведения людей при различных обстоятельствах, отразить дух человека, вынести на суд читательский те моменты в жизни любого из вас, которые могут возникнуть, которые таятся в вас. Для других эта книга станет настольным учебником по ведению партизанской войны в современных условиях, у кого-то, надеюсь, вызовет большее желание любить ближнего и ценить дружбу.

Моим главным помощником по праву могу назвать Юрия Коваленко, написавшего три главы, но так и не согласившегося на официальное соавторство. Спасибо этому хорошему человеку, художнику, бывшему военному!

Благодарю писателя-фантаста Алексея Махрова за помощь и возможность выйти этой книге в новом литературном проекте по вселенной «Хроники Армады», придуманной мною.

Книгу посвящаю молодежи своей страны! Растите духовно правильно, не забывайте своих предтечей и свято верьте в непоколебимость Отчизны.

...И две тысячи лет война,

Война без особых причин,

Война – дело молодых,

Лекарство против морщин.

Красная, красная кровь,

Через час уже просто земля,

Через два на ней цветы и трава,

Через три она снова жива

И согрета лучами звезды по имени Солнце!

В. Цой, «Кино»

Пролог

У вас когда-нибудь в руках разрывалась граната? Чтобы кровавые ошметки по сторонам, пальцы по углам, свисающие куски кожи и всюду кровища. И зашкаливающие децибелы жуткого ора. Нет? Ужасная картина! Меня, как и вас, бог миловал. А вот у моего друга, Димки Миронова, граната взорвалась в руке. Он не успел бросить ее под ноги врага. Не успел, и все тут. Хана Мирону! А ведь эта немецкая «колотушка» срабатывает на пятой секунде. Зачастую на восьмой. Ан нет, все случилось на второй. Видать, хрень эта, пролежавшая в сырой земле более восьмидесяти лет вместе с ее хозяином, испортилась и стала неликвидной. Как теперь и сам Мирон. Упокой его душу!

А теперь... теперь давайте все по порядку...

Глава 1

Я лох, я чмо?!

Меня зовут Олег. Куприн Олег. Сложив из первых букв фамилии и имени слово, получим мое прозвище в соцсетях – Купол. И мне далеко по кумполу, смешно ли это звучит или плоско, скажу одно – это мой позывной в играх «Контр-страйк»,

«Сталкер» и «Мир танков». Один ник везде. Так я захотел!

Как и миллионы моих сверстников (а мне уже стукнуло двадцать три), я влюбился в шутеры, созданные с прекрасной графикой и нереально реальным приближением к действительности. Упивался ими до умопомрачения, посвящая все свободное время компу. Игнорируя учебу, девчонок и помощь матери по дому. Она обычно только вздыхала, обходя мое личное пространство в виде компьютера и стола со сгорбленной фигурой в наушниках. Все свое время я бездарно тратил на игры. Хотя еще одно увлечение обычно два раза в год захватывало меня с ног до головы.

Охота!

С тех пор как отец подарил мне на совершеннолетие ружье, я забыл про все на свете, с невероятной тягой уйдя в эту стихию. Видимо, сказывались многочасовые просиживания за боевыми играми, а тут нате – настоящее ружье, ТОЗ-34-ЕР! Не виртуальный дробовик и не игрушечный «калаш», а вполне убойная штука.

Даже когда отец погиб на стройке, перестав возить меня на природу, я подбивал друзей, и мы ездили на старой «Ниве» Антохи Дизеля по разным местам вокруг родного города. Уток валили со вскидки, будто всю жизнь только и занимались стендовой стрельбой. Заправски, словно ковбои в старых америкосовских фильмах, иногда от бедра или с одной руки (это я про себя сейчас). С подхода, с наезда из окон машины, под громкие возгласы и всеобщее ликование.

Мой родной Энск славился красивыми пейзажами за городской чертой, сразу за постом ГИБДД начиналась болотистая местность, облюбованная утками. Но постреливать вблизи представителей правопорядка как-то не хотелось – гоняли нещадно, да и так называемая «зеленая зона» города все же запрещала охоту в ней.

Катались чуть подальше и били водоплавающую там.

А потом все закончилось! Вообще...

Сначала мы с друзьями погрязли в новом шутере, появившемся в Сети. Впереди маячили сентябрь и пятый курс универа, лето заканчивалось, навеяв грустные

мысли об окончании отдыха. Но на открытие охоты, которое приходилось на последнюю субботу августа, вырваться было просто необходимо. Не так уж и часто разрешали охотиться на утку местные власти – всего два раза в год. Оставалось купить патронов, да Антоха Тягачев, прозвище в сети Дизель, попросил купить ему новый шомпол взамен сломанного старого. Как будто в случае чего веткой нельзя прочистить ствол!

Вот я и отправился в тот злополучный день в оружейный магазин «Выстрел».

Стоял вполне обычный августовский денек. Народ сновал туда-сюда, на небе ни облачка, машины гудят, птички в кустах громко чирикают, деля кусок черствого батона. А я иду в наушниках, весь такой на позитиве, подмигивая девчонкам (не страшным, как атомная война), напевая мелодию, звучащую в ушах, равнодушно поглядывая на снующих прохожих.

У кинотеатра «Космос», что возле оружейного магазина, два мужика «качают» права, размахивая руками и горячо обсуждая легкую аварию своих машин. Один шоркнул другого, а теперь воплей на всю вселенную. Так и до мордобоя дойдет, если самому умному из них не придет в голову махнуть рукой и отвернуться.

На скамейке старушка разворачивает нетерпеливому внуку мороженое, облизывая пальцы от таявшего лакомства. Окно второго этажа дома, в подвале которого приютился магазин, моет парень азиатской национальности, тщательно водя чистящей палкой по стеклу.

Собака, оставленная на привязи ушедшим хозяином, твкает на пацана, попинывающего футбольный мячик и этим дразнящего животное.

Мой мозг отметил все это в секунды, впитав информацию, казалось бы, абсолютно ненужную и незначимую. Но через десять минут он восстановит в памяти все ранее увиденные детали, потому что резкие непредвиденные обстоятельства или шокирующие события обычно возвращают человеку картинку последних минут предыдущего бытия...

– Добрый день! Чем могу вам помочь, молодой человек?

Заискивающий взгляд и дежурная улыбка продавца тоже запечатлелись в памяти. Мужчина лет сорока с пивным пузиком под полосатой футболкой

дружелюбно смотрел из-за узорной решетки витрины, отделяющей стенды с оружием и лотки с амуницией от узкого зала для покупателей. Ни охранника, ни сейфов, тусклый свет с потолка да угрюмая тетка, развешивающая на стене рыболовную сеть с ценником. Из посетителей я и плюгавый мужичок в потертой рыбацкой куртке, изучающий блесны под стеклом витрины.

– Мне шомпол, – сказал я, снимая наушники, и, вспоминая наказ друга, зачем-то пояснил: – Для гладкоствольного «ИЖа».

Мужик улыбнулся, отошел, вернулся с двумя средствами очистки стволов, показал их:

– Деревяшка с зажимом на конце под ветошь или губку, дешевка. А этот шомпол алюминиевый, разборный, со специальным оголовком. Дороже, но эффективнее и удобнее. Какой возьмешь, парень?

– Деревяшки хватит, – ответил я, следуя наказу Дизеля, такого же бедного студента. – Сколько?

Расплатился, получил в руки шомпол, зачем-то помахал им, словно рапирой, чем вызвал ехидную гримасу у продавца.

– Что-то еще?

– Патронов две пачки, двенадцатый, тройку.

– Итальянские, бельгийские, немецкие или... – мужик опять скривился, поняв, что студенту предлагать дорогие даже не стоит... – отечественные, по восемнадцать рэ штука.

– Пойдет. Только не старье. Там срок годности имеется?

– Парень, ты колбасу, что ли, покупаешь? Какой срок годности? Они хранятся сто лет.

– Ага. Знаем. Только все же мне свежие дайте.

– Х-хосподи!

Оплатил, принял через окошко между чугунными витиеватыми прутьями решетки две коробки, приятно оттягивающие ладони вниз.

– Все?

– Да. Скажите, вон та «Сайга» сколько стоит у вас? – я показал на плод своих воображений и мечты, десятизарядный нарезной «ствол», любимую штуку геймера Купола. То бишь меня.

– Слышь, студент, она явно не по твоему карману! – скривился в нехорошей ухмылке толстяк.

– А я не про это спрашиваю, может быть, я через год разбогатею и куплю ее. Или через месяц банк ограблю. Или сейчас витрины вынесу и заберу сам. А?

– Че?

– Хрен, во че! Ты, мужик, следи за базаром и к покупателям относись как к равным.

– Чего-о-о?!

Продавец аж посинел, нахмурил лоб и стал похож на ту псевдоплоть, каких я гасил в игре пачками. Противных злостных хряков-мутантов. Его негодованию неизвестно бы когда наступил конец, но я, тоже хорош, непристойным жестом послал его далеко и направился к выходу. Вслед понеслись гадкие слова и угрозы, но я уже покинул подвал и, миновав две железные двери и бетонные ступени, очутился на свежем воздухе. И здесь-то понял, что зря дерзил продавцу и напрасно ушел из магазина...

* * *

Какой-то невообразимый кавардак творился на улице. Вокруг бегали люди, да так быстро, часто падая и крича, что явно не походило на «Веселые старты» или

день массовых гуляний. Сначала показалось, что идут съемки художественного фильма, причем военной драмы: стрельба, суетящаяся массовка, дым от пожара двух машин на дороге, лежащие тела, мелькающие там и сям люди в странных одеяниях и с оружием в руках. В некоторых из них я угадал фашистов в только им присущем обмундировании и со «шмайссерами» наперевес, которые на самом деле и не автоматы Шмайссера, а типичные МП-38/40. Они сновали взад и вперед, иногда паля по массовке из винтовок и автоматов, что-то орали на своем картавом наречии, хватали за волосы женщин, расстреливали мужчин, прикладами прочь прогоняли детей. Но пару раз я заметил каких-то варваров, разодетых в шкуры и меха, обтянутых ремнями и обвешанных старинными доспехами. Эти тараторили на своем диалекте и гоняли публику кривыми саблями и пиками.

– Что за... – Я стоял обалдевший от увиденной сцены несуразного кино, разглядывая картины вакханалий и разрухи. Щемящее чувство тревоги стало нарастать из глубин организма, все больше овладевая телом и душой. Рука, державшая пакет с покупками, отчего-то задрожала, взгляд медленно охватывал поле сражения, а мозг уже начал посылать колкие импульсы «Беги! Беги! Спасайся!».

Я еще ничего не осознавал даже тогда, когда увидел ту парочку водителей, устроивших разборки десять минут назад, а теперь валявшихся в лужах крови. Не понял и актера в форме эсэсовца, застрелившего из пистолета собачку на привязи, отчего бедняжка заскулила и издохла как натуральная...

«Как натуральная!» Эта мысль осенила меня и взорвала мозг. «Собаки не умеют играть так, как человек. Она умерла правдоподобно... по-настоящему... Так это что значит?.. Вот же, мляха-муха!»

А дальнейшие события уже подтвердили страшные догадки в воспаленном мозгу. Удар кривой сабли раскроил седую черепушку бабушки-одуванчика на скамейке – во все стороны брызнула кровь, истошный крик утонул в яростном вопле кочевника, разодетого в кольчугу поверх меховой куртки. Его зловещая физиономия с раскосыми глазами приняла довольное выражение, он стал искать взглядом ребенка, бросившего мороженое и нырнувшего в декоративные кусты. А уж свалившийся сверху гастарбайтер, недавно мывший окно, завершил ужасную сцену и окончательно внес коррективы в мои размышления – тело его жестко упало прямо на асфальт, рука жутко хрустнула, голова расквасилась и явила струйки крови изо рта и глаза.

Я, кажется, завопил что-то нечленораздельное, потому как увидел себя со стороны, словно амебообразную медузу, плывущую обратно в подвал. В любое укрытие. В стену рядом впились пули, кирпичной крошкой кольнув мое лицо. Я запнулся и чуть не переломал ноги на ступеньках, обронил пакет и больно ободрал ладонь и щеку.

Можно представить, с какой гримасой я ворвался в помещение магазина, ошарашив трех человек там своим видом и известиями. Рыбачок скривился в недоверчивой улыбке, покачал головой. Продавец начал возгудать что-то насчет разрыва моей жопы в его руках, а тетка покрутила у виска пальцем и сморщилась.

– Паря, какие немцы, какие варвары?! Ты там спайса жевнул? – рыбачок хмыкнул и снова повернулся к витрине.

– А ну пшел отседова, молокосос! – грозно объявил толстяк. – Лен, нет, ты видела такого прохвоста?

– Да уж, тот еще проныра! – молвила Лена.

– Я... я отвечаю... Там враг, блин! Там... – Я думал, захлебнусь недостатком воздуха и чрезмерным адреналином, тряс руками, подбородком, всем своим видом выказывал крайнюю степень страха и негодования.

Все же рыбачок смог обратить внимание на мои опасения и шок, видать, жизнь потрепала его немало, а опыт подсказывал, что я все же не фальшивлю.

– Малец, ну, пошли, покажешь, чего там, – сказал он, направляясь ко мне, но вдруг остановился на полпути и прислушался. – Стреляли вроде? Тихо-о. Слышите?

Лицо его стало приобретать совсем другой цвет и иное выражение, мужичок застыл истуканом, впитывая ауру помещения слуховыми нервами.

– Я не пойду туда! – твердо заявил я, сторонясь двери и отходя в дальний угол. – Там жопа полная. Не пойму, что такое вообще случилось. Убивают всех подряд, режут, стреляют. Фашисты вперемешку с какими-то кочевниками. Будто Гитлер

с Мамаем сговорились.

– Звездец! Пацан, ты че пургу несешь? – продавец как-то натянуто улыбнулся, но почему-то взял из-под кассы короткий помповик «Фокстерьер», передернул его и сердито посмотрел на меня. – А ну, вали на хер отсюда, козел! Будешь еще мне шуточки шутить тут. Мстишь, что ли?

– Слышь, толстый, хлебало закрой свое и помолчи минуту, мля! – неожиданно ответил рыбачок, рука которого зачем-то поползла к набедренному карману, взволнованное лицо еще больше напугало меня.

– Че ты сказа...

За дверью раздались голоса на незнакомом наречии, топот, бряцание железа. Мужик в рыбацком прикиде отпрянул за худосочную крону диффенбахии, росшей в кадке у входа. В его руке блеснул охотничий нож. Я успел уловить его жест и последовал мысленному посылу незнакомца – сделал шаг назад и прижался спиной к стене за высокой стеклянной витриной с туристскими прикамбасами. Пяткой больно стукнулся о стойку огнетушителя.

И в эту секунду в помещение ввалились трое врагов.

Почему именно врагов? Да потому что их странные одеяния и оружие сразу как-то подсказали, что это жестокие люди. Да и чумадые злые физиономии не внушали ничего хорошего. С громкими междометиями они как-то сразу заполонили зал магазина собою и своей отвратной аурой, а передний из них кинулся к решетке и попытался с жутким оскалом на лице достать кривой саблей толстяка. У того отвисла челюсть и вмиг побелели щеки, руки дико затряслись, чуть не выронив ружье.

«Стреляй, урод!» – почему-то мелькнула в моем воспаленном мозгу отчаянная мысль, а ноги предательски ослабли, потягивая безвольное тело вниз.

– Стреляй, твою мать! – вслух вторил моей мысли рыбачок и кинулся на ближнего к нему кочевника, уже заметившего опасность сбоку.

Хвала богам, что в этом подвале оказался хоть один настоящий мужик, не струсивший при виде вооруженных незнакомцев! Толстяк успел только раз выстрелить, и то, видимо, случайно или инстинктивно. Сноп картечи разворотил грудь противника, просунувшего руку с саблей сквозь решетку и пытавшегося достать острием продавца. Женщина дико заверещала в углу прилавка, но тотчас ее ор прекратился после того, как копьё другого кочевника проткнуло тело ее пузатого коллеги. Женщина вяло сползла без чувств на пол.

Третий варвар в меховом плаще до колен хрюкнул и, схватившись за шею с сочившейся из нее кровью, дико завращал злыми глазами и начал приседать. Рыбачок, перерезавший врагу горло и что-то крикнувший мне, бросился на убийцу продавца, но сначала получил толчок в грудь, а потом стал отстраняться от выпадов кочевника. Злодей оставил короткое копьё в покое, перестав тыкать им уже мертвого толстяка, и обратил всего себя на нового противника – мужика с охотничьим ножом.

– Помогай, паря-я! – снова закричал рыбачок, отступая под свистом кривой сабли и рычаниями варвара. – Отвлеки его. Отвлеки-и.

Он сам делал тычки в сторону наседающего противника, но уже получил резаную рану предплечья, а зал позади него кончился. Матерная ругань, огласившая своды магазина, заставила меня вздрогнуть и дернуться по направлению к дерущимся. Но снова подвели слабые от страха ноги и при этом здравая мысль, что безоружным бросаться на спину врага не стоит. Кое-что из каратэ я умел, но все эти рукопашные навыки вдруг в мгновение ока растворились, исчезли в безвольном теле и возбужденном мозге.

Взгляд упал на красный цилиндр в деревянной оправе. Я кинулся к огнетушителю и стал вырывать его с мясом из крепежной стойки. Очередной крик, уже боли и отчаяния, придал мне сил и уверенности, хотя насчет последнего я впоследствии мог бы поспорить. С диким ревом, похожим на клич Тарзана, я бросился на помощь герою-рыбачку, в обеих руках над головой зажав пожарную болванку.

Кочевник, во второй раз рубанув сгорбленную фигуру рыбачка, успел повернуться на звук несущегося бизона. Точнее, Купола. Огнетушитель с мягким глухим шлепком опустился на его голову в мохнатой шапке. Еще и еще. Я колотил уже лежащее тело, превращая его в месиво, до тех пор, пока хриплый затихающий голос рыбачка не остановил меня:

– Харэ, паря! Хва... хватит... Мы побе... бедили... Все...

И с этими словами он умер.

Я затрясся от шока и избытка чувств, смотрел на окровавленное лицо мужичка, его рубленые раны ключицы и плеча и тихо всхлипывал. Стало больно на душе, прямо в сердце. Виски застучали, голова налилась свинцом. Вмиг ослабевшие пальцы выпустили ношу, и огнетушитель со стуком брякнул о пол. Мое амебообразное тело окончательно сдалось и опустилось вдоль стенки рядом. Глаза продолжали следить за алым ручейком, стекающим с мертвого рыбачка.

«Не успел. Я лоханулся... Я не успел помочь этому мужику, этому герою! Секундой раньше – и он бы жил. Я опростоволосился. Какой же я лох! Я чмо!»

Глава 2

Рембо рулит

На улице туго ухнуло, будто большой шарик лопнул. Сразу в остывший от адреналина мозг ворвался сноп чего-то здорового и свежего. Сильно захотелось пить. Еще больше сжать в руках оружие. Ощутить холодную сталь стволов, спусковой крючок на последней фаланге указательного пальца, почувствовать крепь и надежность боевого средства.

От же! Какой я все-таки... тюфяк. Кругом полно оружия на любой вкус. Бери и защищайся.

Бери?! Ну да как же? Оружие чужое, не мое. Да еще и за решеткой. Не мое! А чье оно сейчас? Вот того толстяка, замешкавшегося с помповиком в руках, а потому подвергнувшего нас опасности? И где ты сейчас, шкура товарная? Отошел в мир иной?

Иной!

ИНЫЕ!

Кто это вообще такие? Откуда прибыли? Что за...

Взгляд упал на лежащие тела в дубленках и шубах. Я присмотрелся тщательнее, даже носком кроссовки подтолкнул один из трупов чужаков. Мертвее мертвого. Я и мертвецов-то видел только на панихиде по усопшим близким. Здесь такое же восковое лицо, синие уже губы, черные дыры ноздрей. Хотя нет! Вполне свежая физиономия. Кровь еще не отошла от лица, и губы вполне как у живого. Обыкновенный нос. Только не славянский. А мой город самый что ни на есть русский. Сердце, середина отечества. Город-герой, еще в старину выдавший набег татаро-монголов, нападки тевтонцев, слышавший барабаны и пушки Наполеона, пьяные возгласы махновцев и испытывавший зверства фашистов... Стоп! Татаро-монголов? Фашистов?

Взгляд снова пробежался по мертвецам. А мозг уже анализировал и посылал импульсы дальше. Эти распластанные тела в лужах крови как раз и были теми кочевниками, что Мамай, или Батый, или еще какой хан Золотой Орды привел в Русь-матушку. Жечь, насиловать и вырезать. И фрицы потом повторяли их стратегию. А до них были и тевтонцы, и бандиты, и белые с красными. Слово из прошлого прибыли эти... эти попаданцы. Господи-и! Придет же в голову такое. Может, рассудок помутился или от избытка адреналина чудится?

Рука стала шарить по полу, залезла в жидкие пятна крови, но продолжила щупать линолеум. Будто жила отдельной жизнью от всего организма. Чего ты там ищешь, клюшка? О! Нашла. Нож погибшего рыбачка. Хороший нож. «Касатка». Маде ин Златоуст. Что-что, а в ножах я научился разбираться. Их, хороших, не так уж и много в стране сделано. «Касатка» не самый лучший клинок, не боевое оружие, но в любой ситуации сможет с лихвой вскрыть и банку тушенки, и нутро утки, и... черепушку врага тоже. Машинально вытер кровь с широкого лезвия о штанину, сморщился брезгливо. Можно было и о мех вот этого чудика вытереть. А не мараться. Хотя руки и кроссовки и так уже забрызганы красными каплями.

Ну-ка, как там в шутерах... Завалил первого врага, возьми его снарягу и осторожно иди дальше. Искать второго и, возможно, третьего. А не повезет, так и сотого. И каждый раз шмонай трупы, забирай их хабар и будь начеку. И все время думай, думай, думай. И сейчас, Купол, думай. Ты не в игре, а в реальной жизни. Кончилась игра! И игровое зло тоже. Игра сама пришла к тебе. И зло

пришло тоже.

Вставай, Олежа, шевели колготками. И мозгами тоже.

Волшебных аптек нет и не будет. Забудь про виртуальные муви-рейды. Ты теперь не геймер, а боец. Натуральный боец. Реально, блин, натуральный солдат. Или... скорее, партизан.

Аптек не будет. А значит, первая пуля твоя, Купол. И первая засечка от сабли твоя, Олежа. Поэтому будь первым во всем. На шаг впереди врага. Иначе смерть! Как вот эти мужики, рыбак и толстяк, будешь лежать в луже крови под вой мамки.

Мама!

Она же там. ТАМ!

Вставай, Куприн Олег, студент пятого курса, геймер и ловелас. Вставай. Ты теперь Купол наяву. Ты боец. Поэтому вытри соплю на хрен, вставай, бери оружие и иди, воюй.

Что?

Воюй! Бей врага в родном городе, искореняй зло, вернувшееся из прошлого в настоящее. Гниль эту иди и мочи. Ты, а не кто иной. Только ты!

Потому что у тебя все козыри в руках. У тебя тонна оружия, у тебя опыт сотен прохождений шутеров, отличная реакция и железная воля. А еще... потому что ты охотник. Не на уток, а на врага. Теперь на настоящего врага. И этот враг уже близко.

Очень близко! Буквально за дверью.

Иди и воюй, Купол.

И я пошел...

* * *

Значит, попаданцы?

Значит, прибыли оттуда?

Зачем? Как?

А не все ли равно? Это потом выясним. А сейчас затариться стволами по самое не балуй и на выход. В самом же деле – не тут ночевать и прятаться. Я не крыса подвальная. Я боец, черт побери!

Вход. Нужно быстро закрыть все двери.

Я с опаской приоткрыл внутреннюю железную дверь, прислушался. Наверху так же продолжали стрелять и кричать, изредка ухали взрывы. Сноровисто пробежав по ступенькам, со скрежетом задраил внешнюю дверь, даже боясь взглянуть в щель наружу. Это потом. Сейчас другое важнее.

Закрыл и вторую дверь. Молодцы продавцы! Блюдут охрану оружейного магазина хорошо. Гм... Блюли.

Теперь все мертвые.

Как все? А тетка та? Где она?

Я ринулся к решетке, стал цепляться за нее и подтягиваться, пытаюсь заглянуть за витрины. Толстяка видно хорошо. Копье все так же торчит в его груди. Где женщина? Сбежала?

Нет. Вон она. Лежит, уже шевелится. Видать, в обморок сбрыкала. А сейчас очухивается. Нужно брать быка за рога, пока совсем не пришла в себя. Иначе за эту чугунную преграду мне никогда не попасть.

– Лена? – вспомнил я имя тетки и ласково позвал ее: – Ленка, быстрее открой нашу шарашку, пожар в подсобке.

– Что-о? – будто спросонья спросила женщина, утирая квелое лицо ладошкой и с кряхтением поднимаясь с пола. – Где я? Что случилось?

– Все очень плохо, тетя Лена! Так плохо, что промедление и нашей смерти подобно. Открой быстренько свою каморку, нам нужно вооружиться и выставить оборону.

В ответ только молчаливая кривая гримаса. Такая тупая и чужая, что снова захотелось подобрать огнетушитель. Атаас, как эти женщины бывают глупы и медлительны!

– Алле, Ленок! Вернись на землю, Терешкова.

– Что за хамство? Ты, козел, на кого батон крошишь?

Вот этого я никак не ожидал. Просто полный абзац.

– Лена, ты чего, умом тронулась? Нас кончат в один миг, пукнуть не успеешь. Слышь, ты, мадам?

– Кто кончит? Вали отсюда, чувак!

– Звездец! Послушай меня внимательно, кобыла ты заезженная! Посмотри на вот эти трупы, можешь потрогать даже. И скажи – они настоящие или все это куклы и бутафория. Только живей, твою мать! Снаружи уже в гости просятся.

Из внешнего мира действительно послышались гулкие удары металла о металл. На душе вновь стало тревожно, предательская слабость потекла по конечностям.

– А? Чего?

– Думай быстрее, Леночка! Я тут погибать не намерен в окружении целого арсенала и объятиях одинокой напуганной бабенки. Нужно действовать, голуба моя.

Женщина оторопело двинула по узкому проходу, присела и осторожно, словно мину-растяжку, потрогала руку коллеги. Толстяк невозмутимо пялился мертвым взглядом на кассу. На зов и очередные толкания женщины он как-то тоже не откликнулся.

– Может, искусственное дыхание рот в рот сделаешь ему? Или пульс пощупаешь? – съязвил я, теряя терпение.

– Иди в жопу, козел!

– Я ща уйду. Конечно, уйду. Не с тобой же мне тут маяться. Только вот прихвачу десяток стволов и тонну патрончиков и уйду. Даже убегу с криком. Мне оставаться здесь совсем не хочца! Мне еще семью спасти, друзей и подружек. И домой добраться бы. А не выслушивать херню какой-то сумасшедшей.

Женщина вдруг заревела, да так истошно, что у меня бубенцы сжались. Будто лобзиком по ним приложились. И пару пилочек в мозг засунули. Я, безусловно, понимал состояние тетки, сам еще не отошел от хреновых новостей, но дальше мотать соплю на кулак и тянуть резину не мог.

– Тихо... тихо-о! Послушай, моя милая девушка, – в ход пошел пряник, – давай так. Поплакать и подумать у тебя времени будет навалом, а пока открой дверцу своего сим-сима и позволь мне набрать столько, сколько унесу. Там наверху, – я показал пальцем в потолок, другой рукой утирая пот со лба и вороша и без того всклокоченные волосы, – там враг. Жестокий циничный враг, покусившийся на нас, энчан. Сам Энск, видимо, уже в полной жопе! Не спрашивай, дорогая моя, откуда явились эти... гм... попаданцы, кто такие и почему они убивают всех подряд. Я не знаю ответа. Пока. Но обязательно выясню. Их не самые современные представители, коих ты видишь сейчас на полу магазина, покусились на простых безоружных горожан, то бишь на нас. Мне эта резня на хер... гм... извини... совсем выбила из колеи. И если ты не хочешь оказаться в лужах крови рядом со своим толстяком, черт побери!..

Я начал срываться на крик. Попытался сдержать себя, проведя ладонями по возбужденному лицу, но спокойно смотреть на ее тупую отрешенную рожу тоже не мог.

– ...Леночка! Баш на баш. Ты сейчас останешься одна. Так?

Физиономия женщины с растекшейся косметикой стала преображаться. Даже кивнула. Скорее машинально, чем осознанно.

- Почему?

- Потому что я сию минуту уйду прочь, если не дождусь твоего презента.

- Какого еще...

- ...Звездец, дура-а! Прости. Если ты не откроешь мне доступ к оружию, я попросту сваливаю на улицу и бегом до дому. А ты остаешься одна! Среди этих мертвяков, крови, нападок злых басурман и голодная на дни и, может статься, на недели. Слышишь?

- Да-а, - тетка выдавила что-то нечленораздельное, а глаза ее раскрылись от ужаса, будто увидела за мной нового кочевника. Я даже невольно обернулся. Никого, но стук по внешней двери продолжился с новой силой, что придало мне твердости в словах и страха в гениталиях.

- Так... я уйду прямо сейчас или все-таки ты вооружишь своего единственного защитника всем необходимым? Могу взять в кредит, в лизинг, в подлизинг и прочую хрень. Ну-у?

- Нет-нет. Сейчас, - она ломанулась к двери решетки в углу помещения, споткнулась, чертыхнулась и побежала дальше.

У меня от сердца отлегло. Наконец-то. Дотямкала, дубина стоеросовая. Ан нет. Опять, смотрю, воткнула.

- Чего опять?

- Что мне пообещаешь? - Женщина встала как вкопанная, держа руку на замке.

- Пипец! Поцелуй на ночь пойдет?

- Щас сама застрелю, козел... ой, извини, козлик мой ненаглядный!

У меня аж между ног не на шутку взволновалось все от ласковых слов этой кикиморы. Конечно же, наигранных и пустых, но до того ли было?!

– Обещаю вернуться ночью с запасом хавчика и воды и подежурить с тобой сутки.

– Трое.

– Двое хватит. Родину спасти нужно!

Последнюю фразу я выпалил обдуманно и твердо, будто всю жизнь готовился защищать отечество и мечтал об этом дне. Сам себя даже не узнал, но услышал. И поверил.

Поверила мне и тетка, закусившая губу и что-то еще гоняющая в голове. Новый удар в дверь рассеял ее сомнения. Видать, оставаться здесь одной среди бесчинствующей нечисти ей совсем не хотелось.

– Расписку оставишь.

– Лады. Но возьму, сколько унесу. По рукам?

– Заходи.

Через минуту я был внутри. Женщина прильнула ко мне как к давнему возлюбленному и томно посмотрела снизу вверх прямо в глаза. Чего-то от этих прилипаний и слов опять мое достоинство зашевелилось.

– Не обманешь? Вернешься?

– По чесноку. Отвечаю.

– Действуй, мой герой!

Ух ты! Я аж выпрямил осанку, подобрался, облизнул давно сухие губы. Пока свои. Про ее потом подумаем. Нужно и правда скорее чесать наверх и мамку

спасать. И сеструху. И друганов поднимать на смертный бой. Как там, в знаменитой военной песне дедов... Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой?! Сейчас я отоварюсь по полной и встану на защиту родной страны. Сейчас, родная страна, обожди пару сек!

Знаете, любоваться стволами из-за решетки магазина – это одно, а очутиться внутри, между стоек с весьма разносортным оружием, трогать его, клацая затворами и ощущая приятную тяжесть, совсем другое!

Я бросился к десяткам ружей, винтовок, пистолетов и полуавтоматов, еле сдерживая эмоции, чтобы не закричать. Наверное, любому мужчине... гм... настоящему мужику доставляет неслыханное удовольствие оказаться в мире оружия и боезапасов, понимать, что все это твое, бери, сколько можешь, а трать, сколько хочешь. Здесь, в этом подвале, было сосредоточено столько разнообразного оружия, что моим слюням понадобился стаканчик, а глаза заболели от выпучивания.

Море патронов, пулевых и дробовых, амуниция, экипировка, арбалеты и лук со стрелами, ножи и даже несколько инкрустированных под старину единиц холодного оружия: палаш, меч, алебарда, казацкая шашка, дамасский клинок, пара мушкетерских шпаг.

Аж сознание помутнело. Столько «добра» я еще не имел в своем распоряжении. «Тетя Лена», на вид которой было от силы лет сорок, уселась возле прилавка с карандашом и блокнотом, приготовилась составлять список заемных товаров и с щенячьей готовностью уставилась на меня. Я хмыкнул и начал вооружаться.

Перво-наперво, как в своих играх, достал со стендов и аккуратно сложил на одном из стеклянных лотков СКС, «Ягуар», итальянскую пятизарядку и ВПО-123. Минуту смотрел на них, обдумывая, как все это водрузить на себя с центнером патронов. Убрал импортный ствол, почесал затылок. Ладно, посмотрим, когда все напаялим на себя.

Травматический ПЯ лег рядом с серьезными стволами. Ну, а что? Табельное, быстро выхватываемое оружие тоже необходимо. В ближнем бою эффективно валит с ног. Если враг не в броне, конечно. А он вроде бы не в бронежилетах. Как показали эти трупы в меховых дубленках.

Нож есть, сюрикены кидать не умею, не ниндзя я. Что поделать.

– Бронежилеты какие имеются? – бросил я через плечо.

– Пара есть. Один легкий итальянский для копов. Но, говорят, надежный, – ответила Лена, убирая прядь с лица, – другой кевларовый наш. Но тяжелый, зараза, сама мерила на себя как-то.

– На себя?! – я вздернул брови, повернулся к девушке и криво усмехнулся. – От толстяка своего защищалась, что ли?

Ее лицо вмиг посерело, губы сжались. Задел за живое. Поди, у нее связь интимная с тем хозяином была. Или кто он там, просто коллега.

– Ладно, ладно, шучу. Мне сейчас шутить полезно, иначе свихнусь тут. Давай, неси итальянский. Посмотрим, что за фанерка там.

Она принесла действительно облегченную версию бронежилетов итальянских карабинеров. Комиссар Каттани вроде как в таком же бегал. Я начал натягивать на себя черную безрукавку с эластичными пуленепробиваемыми пластинами в армированной ткани. Понял, что вспотел и неплохо бы заменить свою футболку на чистую и новую. Лена кивнула, поняв меня с полуслова, убежала в подсобку, принесла тельняшки и пару маек защитного цвета. Я отрицательно помотал головой:

– Не-а, неси футболки. Тельняшки – это патриотично, но в темноте будут выдавать яркими полосками, как зебру. Пусть не обижается наша десантура! Хотя одну в рюкзак суну. Кстати, мне нужен небольшой, компактный рюкзачок. Сделаешь?

Скоро у меня был заспинный сидор, похожий на ранец школьника. Походный вариант спецназовского РД, только уменьшенных размеров. Сойдет.

Стал пихать в ранец мелкий скарб, возможно, не нужный в бою, но необходимый в выживании на улицах: моток шпагата, фляжка, запасной комплект нательного белья, охотничьи спички, фальшфейеры, фонарик с батарейками, четыре рации, навигатор, несколько коробок с патронами к «Ягуару», запасные магазины к

СКС, две аптечки, комплекты питания ИМП-4. Вдруг голод сморит. Водрузил «Вебрь». Стал похож на оруженосца в квадрате.

– Разгрузочный жилет тащи. Под мой размер. Темный.

Принесла. Не подошел. Визуальный осмотр не удовлетворил меня. Мало кармашков и нет ячеек под магазины. Пошел сам, из десятка висящих на стойке выбрал нужный, на два размера больше моего. Натянул его поверх броника. Вроде не тесно. Начал нашпиговывать разгрузку патронами и магазинами.

Через четверть часа стал похож на Рэмбо, брутальности в физиономии как у киношного героя не хватало, да и раскраски на ней тоже. А еще кровавых царапин по телу. Но с этим я не торопился. Тьфу, тьфу!

Удары по двери снаружи прекратились, видимо, дебилы все же отказались от затеи ломать закрытый магазин, и решили взять то, что доступней. На душе сразу стало спокойнее и легче. Не от обилия оружия на теле, а от того, что не хотелось встретиться лицом к лицу со сворой злых кочевников или свинцовой очередью гитлеровца. Авось пронесет.

– Ну что, Лена, Леночка, Ленуся? Бывай. Я пошел мочить гадов. Спасибо за подарки.

– Ты обещал вернуться!

– Я? А-а... да. Хорошо, что напомнила, – и, не успев дать девушке ахнуть, обнаглел и шлепнул ее по попке, – конечно, приду. Разберусь там и приду. Условный стук запомнила? Хорошо. Прибери тут, оттащи трупы в дальний угол, закройся, возьми «Фокстерьер» и книжку, сиди и читай. Никого не бойся. Пусть теперь они нас боятся, сволочи!

Я на миг задумался, представляя, как выйду из подвала и начну поливать округу из всех стволов. Откинул эту мысль. Встрепенулся от очередного взрыва на улице.

– Пока.

Она провожала меня долго и ласково, на прощание обняв и поцеловав в губы. И я ушел.

Ушел, чтобы начать войну. Войну Куприна Олега, Купола.

Я поднял ствол СКС на уровне груди и толкнул наружу исковерканную какими-то уродами дверь. Сделал шаг вперед. И ахнул...

Глава 3

Сходил за молочком!

Улицы города оглушил невыносимый крик боли, страдания и ощущения близкой смерти. Смерти, которая металась между домами, лишая жизни коренных обитателей. Трупы, обгаренные кровью, лежали там, где их застала костлявая. Изломанные, порубленные, простреленные допотопным оружием тела валялись выброшенными куклами на обочинах, тротуарах, в еще недавно оживленных дворах и в прочих оживленных местах Энска. Городом правили хаос и страшная в своем обличье смерть.

Люди прятались там, где, казалось, можно было спрятаться от разящей опасности. Но они явно не были готовы к такому роду событий. Пришельцы извне, по своей сущности, не намерены были щадить этот новый для них мир. Привыкшие убивать и властвовать, наслаждаясь своей безнаказанностью, они тупо исполняли свою миссию. Кровь лилась рекой.

Прямо посреди торгового центра появилась толпа диких, вонючих кочевников, с победным улюлюканьем и гиканьем ворвавшаяся в толчею праздно шатающегося и отдыхающего народа. Никто и ничего не смог предпринять, не то чтобы подумать, как на головы отдыхающих после трудового дня горожан обрушились невиданные к нынешнему времени грубо оперенные стрелы и ржавые, но достаточно острые сабли. Алые брызги окрасили стены домов и тротуарную плитку. Первые крики боли и ужаса заполнили улицы, загробным эхом оглашая ближайшую территорию.

Блестящие от жира и пота лица кочевников не выражали никаких эмоций. Словно зомби, будто на автомате, как в плохом художественном фильме, они издавали несуразные по нашим понятиям звуки, а грязные руки совершали привычные для них жестокие манипуляции, отчего жители города вмиг теряли конечности и падали на многострадальную землю, кто замертво, а кто захлебываясь в собственном крике от страшных ран.

Николай Тягачев успел инстинктивно прикрыть голову пакетом с только что купленными продуктами из супермаркета, как почувствовал, что левую руку, судорожно сжимавшую полиэтиленовые тесемки, жестко дернуло в сторону. От неожиданности он засеменил ногами и, споткнувшись, упал навзничь. Это и спасло его вторично. Противно вжикнуло в воздухе, и за шею побежала струйка холодной жидкости. Взгляд непроизвольно выхватил торчавшую из пакета стрелу и стекающую из-под нее белую струйку.

«Вот и попил молочка!» – подумалось запоздало. Мозг еще не осознавал, что вдобавок просвистевшая мимо сабля могла лишить его возможности возмущаться досадности нелепого падения.

Всадник на низкорослом коне, недоумевая, взвизгнул от неудачи, заметив, что его разящее оружие не достигло цели, и несостоявшаяся жертва продолжает пялиться на него недоуменным взглядом. Конь взвился на дыбы, пронзительно заржал от боли в разодранной уздой губе и чуть не опрокинулся. Сабля снова сверкнула молнией сверху вниз, но человека, готового принять своей плотью острую сталь, разрушающую все живое на своем пути, она не встретила. Искры метнулись от тротуарной плитки на месте загадочным образом исчезнувшего человека.

Николай, сам еще толком ничего не соображая, как на учениях, кувыркком ушел в сторону, поднырнул под дрожащий круп коня, пружинисто подскочил и ухватился обеими руками за вражью руку.

Конь устоял на месте, а вот всадник в седле – нет. Миг – и он с грохотом свалился вниз, невольно теряя как оружие, так и остатки былой самоуверенности.

Пакет с остатками покупок еще летел в сторону, когда освобожденный от ноши кулак уже искал новую мишень, найдя такую в виде поросшей редкими волосами

рожи попаданца. Хрустнула носовая кость, и бывший всадник не успел даже крикнуть, как мелко засучил обутыми в ичиги кривыми ножками. Сабля вывалилась из ослабевших пальцев.

Что за хрень, – мелькнула запоздалая мысль. – Что здесь происходит?

Вокруг тенью метались вооруженные всадники, направо и налево разящие своим допотопным оружием беспомощных жертв.

Николай молнией метнулся к трофейному оружию, еще толком не осознавая серьезности происходящего, схватил за эфес еще влажный от чужого пота клинок и начал по-казацки рассекать им воздух. Точь-в-точь как на былых тренировках. Хоть палка, хоть дубинка, хоть нунчаки, а теперь хоть и непривычная для обращения старинная сабля.

Замер, оценивая обстановку. В мозгу сработал условный рефлекс бывшего воина. Хотя почему бывшего? Ведь бывших офицеров не бывает, а Николай не так давно сменил статус военного на скромный статус пенсионера. Но ведь военного пенсионера!

Боковой взгляд четко фиксировал происходящее. Теперь организм уже без малейшего сбоя реагировал на действительность. Шаг вперед... Нагнулся... Снова кувырок... Выпад с разворотом... И конь потерял своего седока. Темная кровь обагрила покрытие, точно повторив в движении траекторию падающего всадника.

Эх-х... Помнят руки... А враги пусть вздрогнут!

Ближайший всадник заметил падение своего соплеменника, возмущенно взвизгнул и молнией метнул короткий дротик в сторону противника.

Николай слегка отвернул свое тело, уходя с траектории летящего острого предмета.

– Твою мать! – Рука непроизвольно метнула в ответ короткий клинок.

Даже сам не ожидал такого. Честно.

Сабля просвистела свою смертоносную мелодию в воздухе и грузно, почти до половины вошла в грудь кочевника. Тот без звука свалился на землю. Осоловелые глаза затянулись туманной дымкой и сомкнулись в последний раз.

Николай судорожно вздохнул, захлебываясь от недостатка кислорода в легких, растерянно посмотрел вокруг себя.

Кругом царили хаос, смерть и разруха. Просто фантастика какая-то, сцены из фантастического фильма, наблюдаемые наяву. Наше время, обычные, современные люди, в одночасье подвергшиеся нападению средневековых, диких кочевников! Да что же здесь происходит, черт возьми?!

Не успел подумать дальше, как воздух молниеносно обогатился еле видимой дымкой и рядом с очередным монголоидным воином появился человек в форме наполеоновского воина именно тех времен, когда сам Кутузов с отвращением наблюдал за оккупацией своей Родины. Новоявленный вскинул мушкет и прицелился в грязного одинокого всадника. Вспыхнул огонь...

Выстрел прозвучал громче разряда молнии. Действенно и разрушающе.

Кочевник слетел с коня, обливая кровью газон. Свинцовый заряд знатно разнес ему полголовы.

Солдат в треуголке победоносно вскрикнул. Голова солдата раскололась, забрызгав все кругом кровью.

Камень из допотопной пращи превратил его голову в расколовшуюся вазу. Солдат, даже не успев порадоваться победе над поверженным врагом, кулем слетел с коня и остался лежать громоздким мешком на асфальте. Тело его не подавало признаков жизни.

Средневековые кочевники, французские кирасиры, реальная смерть...

Да что, черт возьми, происходит?!

Тягачев, все еще ничего не понимая и находясь в растерянности от происходящего, инстинктивно рванул в сторону запасного выхода. Прямо перед

ним снова, словно из воздуха, возник силуэт волосатого существа, пьяным бестолковым взглядом оглядывающего пространство вокруг себя.

Николай машинально взмахнул рукой в направлении нападающего и скользящим ударом смахнул его злорадную ухмылку. Удар утонул, словно в киселе. Вязкая сущность взамен податливой плоти. Средневековый азиатский воин кувыркнулся и исчез невидимкой.

– Оп-пачки! Ниче се. Неправда... обман зрения... Такого не может быть! – Николай, морщась от недоумения, все глядел в пустоту.

Очевидно, кочевник испарился из этого мира в параллельное измерение. Ну, или как-то так.

– Это сон, такого просто не может быть!

Вместо исчезнувшего средневекового воина на том же месте, в том же мистическом мареве возник силуэт...

– Нет, не может такого...

Самый натуральный гитлеровец, как в фильме об Отечественной войне. Жетон жандарма, автомат МП-38/40 на кожаном плаще...

Ствол повернулся в сторону резни и выдал первую очередь смертоносной струи в направлении людей.

Это уж точно как у поэта: «Смешалось все – и кони... люди...» Нормальному человеку теперь уже было трудно различить в этой какофонии и мешанине что-то четкое и понятное. Средневековые воины, наполеоновская братия, нацисты прошлого века... Явно где-то наверху произошел сбой даже в осознании логики исторических событий. Но в то же время бойня намечалась не маленькая.

В грудь неумного автоматчика воткнулась оперенная стрела, и его отбросило в сторону. Но и самого лучника не пожаловала судьба: длинная очередь из автомата успела сразить стрелка свинцовым веером.

Замешательство в рядах пришлых воинов дало возможность обычным людям, попавшим в замес исторического хаоса, и Николаю попытаться спрятаться от неизвестно откуда возникшей напасти.

Он незамедлительно этим воспользовался. Стеллажи послужили неплохим убежищем для укрытия тела и сбора мыслей в единое целое. Но те все никак не хотели воссоединиться. Мозг не желал трезво воспринимать случившееся, вопреки увиденному, пережитому и осознанному.

Казалось, первая угроза была отражена... Но все его естество не желало мириться с происходящим вокруг. Даже лежавшие в хаотической небрежности обезображенные внезапной кровавой смертью трупы не позволяли осознать всю серьезность случившегося. Такое даже во сне не явится, в фантастической книге не читается – не то что наяву увидишь...

А события между тем продвигались своим, немислимым чередом.

Внутренний двор супермаркета заполняли появляющиеся словно ниоткуда воины разных времен и эпох. Теперь среди кочевников металась люди в треуголках с допотопными ружьями и зажженными фитилями, между ними вертелись солдаты вермахта времен Великой Отечественной войны, ведя неприцельный огонь из более современного огнестрельного оружия, а среди них махали самыми настоящими мечами самые что ни на есть настоящие... тевтонские рыцари.

Грохот от разваливающегося, когда-то скрупулезно сложенного товара, казалось, заглушил шум внезапно возникшей бойни. Стекло от разбитых бутылок смешалось с макаронами, чипсами и крупами.

Николай в очередной раз увернулся от нанесенного пришлым воином удара, несущего смерть или увечье, пригнулся, извернулся пружиной в ответном броске и зажал руку воина. Раздался неприятный хруст. Крестоносец только содрогнулся от полученного увечья, но попытался второй, здоровой рукой дотянуться до противника. Это ему не удалось. Тягачев согнул шею в противоположном направлении и с усилием дернул тело. Оно повисло безвольным кулем в мускулистых руках.

Теперь все попаданцы занялись физическим истреблением соперников в своих рядах и, кажется, забыли о существовании коренного населения, уничтожение которого как будто было заказано кем-то выше.

Николай глубоко вздохнул и придвинул к себе тело только что убиенного им противника. Оно напоминало изломанный временем древний предмет, даже не живое существо, только что угрожавшее примитивным оружием всему существу в этом мире, а словно изъеденную молью плюшевую игрушку, выброшенную на помойку. До такой степени жалко выглядел труп неизвестного.

Стрелы, копья и пули все еще рикошетом повизгивали вокруг, но прямой угрозы для жизни уже не несли, и невольно появилась возможность осознать и воспринять происходящее.

В то, что данное явление не является сном, Николай поверил еще пару минут назад. Об этом явственно твердили ушибленные спина и рука. Да такое не могло бы показаться даже в самом тяжелом бреде. А запоями бывший офицер российской армии не страдал. Самый же настоящий бой завязался не на шутку.

Передовые всадники лихой кавалерии не успевали появляться, как были встречены перекрестным огнем из оружия, почти идентичного современному стрелковому. Пальба стояла невообразимая. Неизвестные солдаты, одетые в мышинового цвета форму вермахта, только и успевали вскидывать винтовки, сбивая всадников с лошадей. В дыму и всполохах схватки смешались все – и животные, и люди. Среди стародавних кочевых воинов появлялись и тут же падали замертво еще более древние солдаты Средневековья – рыцари, с ног до головы одетые в бронированные латы. Их железо, предусмотренное для защиты от холодного оружия, легко пробивалось пулями.

Ужасную картину сумбурного боя прервала машина вневедомственной охраны, из которой, стремительно выпрыгивая, появились бойцы в темной униформе. Двое. Естественно, не успев сделать и пары выстрелов, они украсили своими напичканными стрелами и тупыми пулями телами тротуарную плитку.

Автомобиль еще долго и натужно ревел дросселем холостого хода под давлением ноги мертвого водителя, глядящего пустым, наивным, непонимающим взглядом на происходящее вокруг.

Николай отбросил труп, свалившийся минуту назад на него, и молнией метнулся в сторону работавшей на холостом ходу «Нивы». Прямо перед автомобилем лежало тело хрипящего в предсмертной агонии молодого полицейского, судорожно сжимавшего в руках куцый АКСУ. В былые времена Тягачев к такой пукалке даже не притронулся бы, зная не понаслышке его тактико-технические характеристики. Но в данной ситуации для выбора не было возможности.

– Извини, брат. – Он потянул к себе бесполезное для умирающего оружие, а тот лишь умиротворенно вздохнул и закрыл застилающиеся поволокой глаза. – Теперь это тебе уже ни к чему...

Рука машинально нащупала запасной магазин, и он вовремя откатился в сторону, уйдя от очередной татаро-монгольской стрелы, вонзившейся встык между плитками.

Теперь руки и тело работали слаженно, как на учениях. Автомат, как и думалось, был на предохранителе. Один легкий щелчок, движение затвором – и ствол в патроннике.

Привычная очередь с отсечением в три выстрела, а пули точно полетели в цель. Здесь уже не до пристрелки чужого ствола, но в умелых руках и такое оружие могло выдавать чудеса. А автомат и не думал подводить своего нового хозяина.

Выстрел. Уход телом в сторону. Снова короткая очередь. И уже два трупа беспомощными тряпками лежат на полу. Один из них выглядел точь-в-точь как солдат Наполеона, одетый в стандартную форму тех времен. Второй же, бряцая по плитке коваными доспехами, покатился, отбросив двуручный меч, и замер в паре метров от первого. Два солдата разных эпох, но одна и та же судьба, а точнее – смерть.

Николай экономил патроны, помня об их количестве. Глаза успевали охватывать территорию боя, а точнее, бойни. Со скрежетом зубов, с тоской и болью успел заметить лежавшую неподалеку в луже собственной крови соседку, тетю Машу. А ведь буквально минут десять назад она, весело улыбаясь, просила его помочь донести до дому сумку с продуктами, мол, набрала с запасом, как перед войной, чтобы подольше хватило и было чем приехавших долгожданных гостей потчевать.

Как загадала, войну эту самую... Сумка с выпавшими гостинцами валялась неподалеку, а по ней топтались грязные ноги солдат прошлых веков.

Напоминание о гостях соседки непроизвольно обожгло мыслью о своих родных. Ведь дома остались жена с младшей дочерью, которые наверняка и не подозревали о появившейся внезапно, словно гром с ясного неба, угрозе! Да и сын Антон куда-то ушел из дому с утра пораньше, кажется, с другом, Олежкой Куприным, в оружейный магазин собирались наведаться. Ведь, как и отец, он был помешан на всякого рода навороченных стволах.

Э, нет! Нужно скорее и осторожно выбираться из этой мясорубки, пока пришлые враги, все появляющиеся из туманного марева, в одночасье отвлеклись от кровавой бойни и уничтожения безоружных мирных жителей, на междоусобицу.

А бой тем временем завязался неслабый! Пришельцы в нацистской форме потихоньку брали верх над более слабыми в современном бое тевтонцами, кочевниками и солдатами наполеоновской армии. Автоматы, винтовки и пулеметы, не требующие дополнительного времени на перезарядку, выплевывали порции смертоносного свинца и косили всех подряд. Местные жители, коим еще посчастливилось остаться в живых, уже не кричали от ужаса внезапного нападения. Кто-то испуганно жался под упавшими стеллажами, а кто и пытался бесполезно укрыться за трупами несостоявшихся покупателей.

Николай приготовился к молниеносному рывку, мысленно наплевав на рой смертоносных пуль и стрел, жужжавших вокруг, но практически рядом протрещала длинная очередь, по звуку явно отличающаяся от грохота разномастного оружия. «Сто процентов – «АК» укороченный!» Боковое зрение выхватило стоящую на четвереньках фигуру человека, одетого в темную униформу бойца вневедомственной охраны, который судорожно нажимал на спусковой крючок, посылая выстрелы чуть влево от себя. «А ведь точно, патрульные по одному не ездят!» – мелькнула запоздавшая мысль. Теперь напарник убитого вохровца отошел от шока и поливал нападавших свинцовым веером.

«Ай да молодец, парень!» Эти спонтанные очереди невольно спасли их обоих от неминуемой гибели. Грудь очередного пришлого вояки, решившего покончить с оставшимися в живых и оказавшими жесткое сопротивление потенциальными жертвами одним броском противопехотной гранаты на длинной ручке, окрасилась алыми точками в виде распускающихся гвоздик. Тело задержалось от

попаданий, смертоносный предмет в виде пестика для измельчения мака, именуемого в народе колотушкой, упал не возле них, а лишь неподалеку.

Николай рывком бросился к вставшему бойцу и, падая, увлек его за собой вниз, спасая от неминуемых осколков.

Взрыв прозвучал приглушенно, возможно, шум боя задавил грохот гранаты. Свист металлических кусочков рванул не только воспаленный слух, но и болью отозвался в левом предплечье. Теплая жидкость алым пятном моментально выступила на рукаве.

«Касательное...» – мелькнула запоздалая мысль, а ноги уже сами несли его подальше от шума происходящей вакханалии.

Боец охраны еле поспевал за ним, судорожно передвигая сведенные страхом ноги. Всевышнему спасибо, что опасные инородные предметы, неприцельно посылаемые в сторону убежавших, миновали свои цели.

На площади перед супермаркетом практически ничего не происходило, все события развивались непосредственно у входа в магазин, где одиноко стояла искореженная последствием близкого взрыва «Нива». Оба беглеца спокойно пересекли пустую площадь и скрылись в ближайшем дворе, едва переводя сбившееся дыхание.

– Ты как? – Николай чувствительно встряхнул остановившегося за ним бойца, невидящим взглядом смотревшего вперед. Он явно находился в прострации.

– А? – Тот еще не осознавал происходящего с ним.

Николай понимающе прищурился и со всего маху залепил ему довольно ощутимую пощечину.

Подействовало.

– Ах, ты... – Воина словно подбросило невидимой волной, наверняка он не привык к подобному обращению к себе.

- Тихо... Тихо. - Тягачев машинально поставил блок на ответный инстинктивный удар. - Вижу, что все в порядке.

- Что здесь происходит? - охранник неудомявая, но уже осмысленно огляделся.

- Хотелось бы самому понять. - Николай тяжело вздохнул. Рана дала знать о себе тянущей болью, заставив слегка застонать. - Идти сможешь?

- Наверное, да...

- Ну и ладушки. - Огляделся вокруг. Похоже, они вырвались из смертельного супермаркета. Выстрелы, крики и взрывы раздавались неподалеку, но уже не так беспокоили беглецов.

- Патроны остались?

- Н-не знаю, наверное, еще есть... - сержант (Николай только сейчас заметил на погонах знаки отличия) судорожно отсоединил магазин от автомата и посмотрел на виднеющиеся в его основании патроны, словно мог их таким образом сосчитать.

- Замени магазин и не пали зазря, - скомандовал, как отрезал.

- Ты-ы... В-вы... Кто? - заплетающимся языком издал сержант.

- Ну вот, уже ближе к истине. - Тягачев здоровой рукой ободряюще хлопнул того по плечу. - Видишь открытый подвал вон в том доме? Давай-ка, двигай задницей, только пригнись, боец.

Глава 4

Лара Крофт отдыхает

Наташка Чикунова перестала эсэмэситься с Димкой Мироновым не потому, что он опять черкнул ей обидное слово, а из-за вдруг выключившегося смартфона. Она чертыхнулась, нервно нажимая на кнопку включения, но гаджет молчал, дав понять, что умер навсегда.

– Зашибись! – Девчонка соскочила с кровати, кинув телефон на стол. – Полный отстой, блин.

Она бросила взгляд в зеркало, задержалась, убирая локон за ухо, поправила майку на плече. Снова посмотрела на себя хорошую в отражении. Двадцать лет, красивая, молодая, задорная, а, блин, парня нормального все еще нет. Че за на фиг, Чика?! Сверстницы уже не только имеют парней почти все, даже чпокаться начали, а Алиска вообще двух уже заимела. Я че, уродина какая? Вполне симпатичная, умная, интересная девочка. Че ему надо еще?

Наташка поправила загнувшуюся ресничку на веке, отошла от зеркала, ненавистно взглянула на мертвый смартфон на столешнице. Взяла, попробовала снова включить – никакой. Сквозь зубы прошипела бранное словечко, машинально, вся в думах о том, что сейчас делает Димон, сделала шаг к шторе поправить ее. И мельком взглянула на улицу.

Заполненный автомобилями двор, одна из машин надрывно воеет включенной сигналкой, кроны тополей, переставшие шелестеть без ветерка, бегущая с коляской женщина, мчащийся на велосипеде парень. Вроде все обыденно, привычно.

Но что-то в этой картинке показалось не так, не то. Наташка отогнула край тюля и нахмурилась. Где ветер? Чего так женщина с коляской боится, озираясь и спотыкаясь? Велосипедист вдруг с разгону врезался в одну из стоявших у газона машин и грубо плюхнулся на клумбу.

Наташка вздрогнула, прильнула носом к стеклу, ощутив его холод. Не сводила взгляда с лежащего парня, который не шевелился.

– Че за... Реально грохнулся! – прошептали губы девушки. И тут она вскрикнула.

Женщина, не отпуская до последнего ручку коляски, упала, начала вставать, но к ней подскочил невесть откуда взявшийся азиат в старом замызганном

халате и жилетке поверх него, с саблей. Схватил молодую мамочку за волосы и потащил в кусты. Коляска накренилась и повалилась, ребенок выпал из нее и заверещал, корчась в ползунках на травке.

Захотелось вмиг кинуться на помощь маленькому чаду, но вокруг же были взрослые, почему никто не помогал бедной женщине, было непонятно.

Наташка ощутила животный страх, пальцы задрожали, спазм сковал горло. Все еще не понимая, что происходит на улице, она продолжала глазеть на нее. Язык еле вывернулся и позвал громко:

- Пап! А, пап? Иди живей сюда.

Из кухни раздался бас отца:

- О, как! Доча меня назвала папой?! Не предком, а папой? Я просто в ауте, дочура.

Отец в трико и майке с отвисшим животом и давней небритостью на круглом лице заглянул в комнату.

- Пап, че там творится? Ты глянь на улицу. Там в натуре треш полный!

- Треш ей, ишь. - Отец встал рядом, от него пахнуло колбасой и луком, а еще пивом, без которого он никак не мог провести день. - Чего там стряслось? Хачье опять моросит или кирпич на машину сбросили?

- Хуже, пап! Че-то мне страшно...

- ...Твою-ю ма-ать!

Челюсть отца отвисла, глаза вылезли из орбит, рука, отогнувшая тюль, дико затряслась. Сцена, развернувшаяся во дворе трех домов, повергла его в шок.

На детской площадке двое смуглых низкорослых мужичков в мохнатых нарядах кочевников начали насиловать женщину, грубо шлепая ее по лицу и громко хохоча. И никто не бежал ей на помощь, хотя на улице еще находился народ.

Странный какой-то народ! Одни, в которых угадывались горожане Энска, носились, падали, прятались и исчезали в подъездах и арке. Другие, незнакомые и видом своим вызывавшие удивление и где-то омерзение, гонялись за жителями домов, хватали их, откровенно грабили и лупили, других рубили саблями и протыкали короткими копьями. Крик обезумевших людей, довольные вопли чужаков, вой автомобильной сирены, выстрелы в подворотне, звуки разбитых стекол – все слилось в страшную какофонию. И все это не было похоже на плохое кино.

– Пап, че это там? – Наташка дернула отца за локоть и тихонько заскулила. – У меня что, галюники в зенках?

– Атас... Полный атас-с... Доча... Натаха... Я ниче не понимаю... – Отец с трудом мог говорить, еле владея языком. Бледность на его ошарашенном лице не сулила ничего хорошего и еще больше напугала девушку.

– Там же Женька гуляет! – пролепетала она, повышая голос. – Папка, там же Жендос наш! Он же там, на улице-е.

Оба кинулись в прихожую, начали суетливо одеваться, но вдруг отец замер и схватил дочь за руку.

– Стой! Нельзя туда. Тебе нельзя. Звони в полицию. В «Скорую». Мамке звони на работу. Тут полная жо... Я за Женькой сам сбегаяю. Сиди тут и не смей выходить. Слышишь меня?

– Я помогу тебе.

– Сидеть, я сказал! Чтоб носа своего не выказывала наружу. Все. Я быстро. Вот же срань!

Отец накинул жилетку, натянул старые истоптанные туфли и рванул дверь, но, будто опомнившись или сообразив что-то, вернулся, выудил из угла прихожки битую, сказал в пустоту темного коридора «Ага» и выскочил на лестничную площадку. Наташка машинально закрыла все замки двери, побежала в свою комнату, стукнулась локтем о дверной косяк, сморщилась, но, влетев внутрь, схватила смартфон и осторожно отогнула тюль у окна.

Во дворе ничего не изменилось – женщина под насильниками перестала дергаться и кричать, став безвольной куклой в руках сильных чужаков, велосипедист лежал бездыханным, одна машина горела, несколько новых трупов появилось за эти минуты. Они лежали в неестественных позах, смерть не щадила никого – пенсионеры, дети, женщины.

Возле ржавого гаража какой-то мужик отбивался штыковой лопатой от двух наседавших кочевников, третий валялся с разбитой головой рядом. Подобрать его саблю, видимо, не хватало момента, поэтому герой мужественно сражался орудием труда со злыми азиатами. Шансов у него не было. Путилыч, в коем Наташка признала соседа по дому, начал сдавать позицию. Вот одна рубленая рана, затем вторая окрасили его тело. Кочевник выбрал момент и воткнул копье под мышку героя, другой подскочил и резким взмахом сабли отрубил голову Путилыча.

И тут из подъезда выскочил отец. Наташка ахнула и зажала ладонями рот, наблюдая за действиями родного человека. Сразу все злости и негодования, все ранние недовольства отцом отодвинулись на задний план, растворились. Теперь он стал так близок и уважаем дочерью, что не было на всем белом свете человека ближе и роднее, не было мужчины сильнее и авторитетнее отца.

Татаро-монголы не сразу заметили бегущего мужика с битой, который на всех парах помчался в соседний двор высотки, так любимый десятилетним сыном. Пробегая мимо насильников молодой соседки, он успел огреть пару раз одного из чужаков, а другого только пнул по ребрам. Бросившиеся в его сторону степные дикари не на шутку испугали, отчего он припустил спринтером прочь через газоны, бордюры и скамейки.

Теперь во дворе не виднелось ни одного живого человека. Как Наташка ни всматривалась, кроме ползающего на коленках азиата никого больше не заметила. Изнасилованная женщина еле шевелилась, подогнув ноги под живот и прикрываясь разорванными лоскутами платья. Дома по периметру двора замерли, словно огромные слоны, взглянувшие в глаза Горгоне. Ни один человек не выскочил наружу, все попрятались, боясь выходить. Те немногие, кто в это время находились в квартирах, с ужасом подглядывали за улицей, большинство других в настоящее время отсутствовали по причине рабочего дня.

Наташка терзалась в мучениях, что ей предпринять. Хотелось бежать сломя голову за отцом, искать Женьку, возможно, им обоим нужна была помощь. Но

чем могла помочь им хрупкая девчонка? Плюс страх липкими щупальцами сковал ноги и горло, давил на виски, морозил конечности. Оружие дома отсутствовало, только столовые ножи, топорик в инструментах да клюшка с автографом от Овечкина, фанатом которого слыл отец.

Наташка вновь попробовала дозвониться хоть до кого-то, но смартфон не включался. Схватила отцовский кнопочный сотовый – то же самое. Кроме всего прочего в квартире отключился свет, а розетки больше не дарили энергии. Апокалипсис как-то неожиданно и страшно явился в их квартиру, в их город, а вероятно, и охватил весь мир. Хаос и смерть, попаданцы-враги, о которых Наташка читала в ридере, скачивая пиратские версии постапокалиптических романов из Сети.

И все же сидеть и тупо дрожать она не могла. Там, на улице, оставались ее братишка и отец. И пора было вырастать из девочки-припевочки в сильную самостоятельную взрослую личность. Она чувствовала, что сможет, справится, победит. Жаль, что нет рядом друзей! Где они? Где Димка? Где его дружки Купол и Дизель? Как там моя мамочка сейчас? Наверное, эти уроды из степей и пустынь в данный момент разоряют все учреждения, жилые дома, магазины и школы?!

Я не могу сидеть как дура, как лохушка! Я не могу-у...

Она сидела, раскачиваясь в позе лотоса, еще четверть часа. Пока на улице не раздался выстрел. Потом другой.

«Менты пожаловали! Наконец-то», – почему-то подумалось вздрогнувшей девчонке, она вскочила и прильнула к окну. Во дворе почти строем прошлись солдаты неведомой армии, по-киношному разодетые в яркие мундиры и старинную обувь, их ружья со штыками торчали во все стороны, иногда оглашая улицу громом выстрелов и пуская облачка белого дыма. Куда они палили, Наташка не понимала, но длинные стволы мушкетов были направлены в окна и балконы домов.

– Это еще кто такие? Что творится? Че за фигня?! – вслух поразилась девушка, закрыв шторы и шарахнувшись от окна вглубь комнаты. – Папка, ты где? Женька? Мама-а!

В подъезде кричали, потом грохот выстрела заглушил женский вопль. Наташка застыла в коридоре, боясь подойти к дверному глазку. Рука сжимала хлеборез, косточки на пальцах побелели от напряжения.

– Мирон, дурак, где ты сейчас?

* * *

Мирон, он же Димка Миронов, на год старше своей возлюбленной Чики, в данный момент корчился на полу коридора своего родного универа под тяжестью потерявшего сознание... рыцаря. Настоящего тяжеловооруженного тевтонца в латах с красным крестом на доспехах, в шлеме-ведре и с мечом в руке. На голову этого пришельца (иначе никак и не назовешь явившихся из ниоткуда средневековых псов) только что обрушился стул из лабораторной по физике. Потом еще раз пять. Хвала однокашнику Костяну, не растерявшемуся и с подручным предметом мебели кинувшемуся на помощь Димке. Стул в щепки, вражина в аут, а обескураженный Костик Липов по прозвищу Клип сполз вдоль стенки и хватал воздух открытым ртом, будто рыба на берегу. Шок поверг парня в полубморочное состояние, силы покинули его, а рвотный рефлекс упорно давил горло и грудь. И не только от вытекшего из щели шлема глаза поверженного рыцаря, а еще и от кровавых трупов трех своих товарищей-студентов. В углу человек пять пацанов дружно мутузили ногами и тыкали кулаками скорчившегося чужеземца в кольчуге, пока один из них не догадался схватить брошенный меч и не насадить чужака на длинное лезвие, как шашлык на шампур.

Мирон выбрался из-под туши вырубленного тевтонца только после того, как подскочившие парни помогли свалить труп в сторону.

– Ты как, Мирон?

– В полной жопе.

– Звездец подкрался незаметно! – выдавил всегда молчаливый Пашка Дорофеев по прозвищу Пандора. – Мы попали в прошлое, пацаны!

Все посмотрели на него, хмурясь и покрываясь бледными пятнами. По коридору пробежался шепоток негодования.

– Да нет, мужики, скорее они к нам залетели, – сказал от торцевого окна Сашка Отрепьев, в игровой сети Репей, – мы влипли по самые колокольчики. Глядите, че творится снаружи.

Народ бросился к окну, толкаясь и молча созерцая ужасные картины бойни какими-то неизвестными мужского населения Энска и гонения студенток вдоль фасада здания университета. Эти незнакомцы походили на массовку, сбежавшую только что со съемок кинофильмов «Александр Невский» и «Викинг».

– Смотрите, там и французы, мать их! – прошептал Репей, тыча в угол окна. – Кто-то что-то понимает, или я один не врубаюсь?

– Фашисты! Охрене-еть! Не, вы гляньте, че... – показал Мирон.

Со стороны перекрестка показался мотоцикл с люлькой, газующий прямо по тротуару. Пулемет застучал так, что даже здесь, в укрытии, стало не по себе, ноги подгибались, по спинам студентов побежал холодок. Люди на улице падали, сраженные пулеметчиком. Но попадало и другим пришельцам. Вот свалился рыцарь в белой накидке поверх лат, громко брякнув железом по асфальту. В стороне скорчились в предсмертных судорогах двое печенегов, а наполеоновец, получив сквозное ранение бедра, ковылял прочь и орал что-то на французском.

– Вот, блин. Они и друг друга мочат? Я думал, они все заодно, – промолвил обескураженный Клип, облизывая сухие губы.

– Валить надо, пацаны, – вдруг сказал Мирон, отпрянув от окна и с трудом справляясь с собой, – валить куда подальше. И желательно оружие раздобыть. Стульями больше не отмашемся.

– Верно, Мирончик, нужно пробираться до дому, но чего-нибудь в руки взять, иначе в капусту порубят как лохов, – поддержал товарища Пандора. Аж кулаки сжал.

– Да ну вас, идиоты! – Вовка Фоменко по кличке Мазепа трусливо сжался и сморщился, глазки его бегали, руки тряслись. – Какое оружие? Ноги в руки и чесать вдоль заборов. Скрыться быстрее. Дольше будем тут трещать – они придут за нами сюда. Тады капец всем.

– Да пошел ты! – Репей плюнул под ноги, прислушался к очередям на улице. – Хватаем оружие этих уродов и валим отсюда через второй корпус. Там вроде спокойнее.

– Пацаны, по чесноку страшно. Яйца в точку, блин!

– Пошли, ботан.

Из коридоров и аудиторий здания раздавались крики, топот, скрип мебели, а ватага парней, завладев двумя мечами, парой ножей, двумя щитами и одним копьем, осторожно двинулась на выход. На первом этаже трупов было больше. В лужах крови, в неестественных позах, порубленные и заколотые студенты и студентки валялись там и сям. А с ними и несколько преподавателей. И ни одного мертвого чужака!

– А мы двоих завалили! – выдал общую мысль Пандора, осматривая помещения и кривясь от кошмарной обстановки. – Значит, можно их валить?! Значит, не все потеряно?

– Помолчи, Пашка! – цыкнул на друга Мирон, острием копья отворяя дверь.

Все напряглись, Вовка Фоменко опять запричитал, прижимаясь к товарищам, на него зашипел Репей:

– Слышь ты, Мазепа, заткнись, а то выдашь нас всех с потрохами своим нытьем, чмо. Тихо, я сказал.

Полдюжата парней очутились во дворе. Везде трупы студентов, двое лежат в объятиях. Пригляделись – мертвый преподаватель физкультуры душил кочевника, зажав сгибом локтя его шею. Видимо, успел кончить азиата, но его самого рубанули по голове, отчего череп раскроен надвое. Картина ужасная. Еле узнали физрука по спортивному костюму.

– Хана Гире, кончили его!

– Заткни хлебало, он красава! Был Гирей, погиб настоящим мужиком. Не Гиря он больше, он...

– ...Алексеич, кажись.

– Ага, его Владимиром Алексеевичем звали. У меня в тетрадке записано.

– Молорик, мужик!

Слева, из подворотни раздался ружейный залп. Крики на незнакомом наречии известили, что, скорее всего, там французы.

– Наполеон пожаловал к нам, что ли?

– Пацаны, это не кино снимают? Че за фигня такая?

– Иди и проверь, умник. Или спроси у Гири это... гм... у Алексеича.

– Не юродствуй, Мирон.

– Черт!

Топот ног, выстрел, вопли. Репей выглянул за угол, через две секунды отпрянул с бледным лицом цвета штукатурки на здании университета.

– Че там, Санек?

– Крындец. Наполеоновцы штыками шпигуют раненых. Даже немцев на моцике положили. Всех. Самих штук пять валяется.

– А че, Франция разве с Германией не дружит?

Все поглядели на нелепую ухмылку Мазепы. Тот виновато отвернулся.

- Вы еще ничего не поняли? – пробурчал Мирон.

- А ты типа понял все и самый умный тут?

- Да эти уроды настоящие, они откуда-то из прошлого появились. Видно же. Может, из параллельного мира?

- Звездец!

- Поди-ка террористы переоделись в местном театре и решили таким образом прославиться на весь мир, заявить о себе...

- ...Ничего умнее не мог придумать?

- Да пошел ты...

- Сам пошел!

- Какие театралы? Какие на хрен террористы?! Они друг друга мочат, не видно, что ли. Не-е, это че-то из потустороннего.

- Ага. Мистика. Фантастика, епрст.

- Тихо вы...

Француз в мохнатой шапке и пыльном мундире, забрызганном кровью, с мушкетом в левой руке внезапно вышел из-за угла. Его ступор, как и одеревенение студентов, длился, казалось, вечность. Вдруг он открыл рот и заорал, но почему-то не применил оружие. Репей дернул копьём и неумело ткнул им в пах наполеоновца. Тот скорчился и завопил уже другим голосом, от боли.

- Руби его, Мирон! – крикнул Пандора.

Очнувшийся Димка Миронов взмахнул мечом и опустил обоюдоострый клинок на плечо солдата. Неприятно чавкнуло. Француз пал на колени и закатил глаза. Кровь брызнула ему на щеку и на меч.

– Дай я.

Пандора выпростал руку с ножом, лезвие которого вошло в горло врага. Снова фонтан крови, приглушенный всхлип и рвотные позывы у студентов. Тихий мат, крики за углом.

– Деру отсюда! – первым очнулся Репей, пнул ногой повалившегося на бордюру солдата и побежал обратно к крыльцу здания.

Все тотчас рванули за ним, только Мазепа замешкался. Его нещадно тошнило у стены, парень скорчился и изливал нутро прямо под ноги. Мирон хотел было вернуться за ним, зовя его, но выскочивший из-за угла кирасир быстро оценил ситуацию, вскинул мушкет и выстрелил в сгорбленную спину студента. Вовку Фоменко отбросило на стену, он сполз по ней и, дернувшись в последний раз, замер.

– Бежим, Мирон!

Димка, ощущая спазм в горле, мурашки на спине и ватность в ногах, смог пересилить предательскую слабость и бросился вслед за товарищами. Позади истошно орал француз, стреляли, но парни уже были далеко.

* * *

Она кралась по родному городу, по двору собственного дома словно чужая. Ветер вакханалии, пронесшийся недавно по закоулкам соседних домов, оставил только трупы. Черный дым с едким химическим привкусом застил глаза, пришлось взять чуть вправо, где на корточках, где в три погибели двигаться дальше. Машины, ограждения, кусты, бордюры. И кругом мертвые люди. Будто сцена из фильма ужасов перенеслась в реалии настоящих будней.

Вот и детская площадка. Два трупа в меховых накидках. Чужаки. Как два? Из окна же наблюдала, был один. Ан нет, второй тоже откинулся – мертвее мертвого. Зарублен. Кем только? Неужели ею?!

Наташка остановилась возле истуканом стоявшей молодой мамочки с саблей в опущенной руке. Отрешенный взгляд, изорванное платье, синяки и ссадины.

Видать, она отомстила обидчикам, зарубив одного из них его же оружием. Похоже, умом тронулась. Стоит и смеется, а взгляд пустой и в одну точку. Плачущий где-то в кустах ребенок не привлекает ее внимания. Надо бы помочь.

Наташка положила клюшку на землю, кинулась к зарослям. Выудила живую куколку – девочка наплакалась до одури, теперь только кряхтела и пускала пузыри. Нужно срочно отдать ее маме. Но можно ли? Та свихнулась и как бы не натворила беды.

– Женщина, возьмите ребенка, вот ваша девочка, – позвала Наташка горемыку.

Та чуть повернулась на голос и криво усмехнулась.

– Это ваша дочка, она живая! Живая она. Берите и уходите домой. Слышите?

Женщина вздрогнула, взгляд стал более осмысленным. Рука выронила саблю, подкашиваемые ноги понесли ее навстречу девчонке с ребенком на руках. Она буквально выдернула свое чадо у Наташки, грозно посмотрела на нее и кинулась прочь. Ни спасибо, ни до свидания!

Клюшку в руки и дальше в путь. Соседний двор метров сто отсюда, а пройти его нужно живой и невредимой. А потому не замеченной пришлыми чужестранцами.

Мертвый обезображенный Путилыч возле гаража, рядом труп кочевника. А ведь можно бить их! Можно сопротивляться. И женщина смогла, и Путилыч тоже, хоть и пал в неравном бою. И я смогу.

Наташка поправила топорик на ремне, который дома надела... отцовский... хлебрез в набедренном кармане туристских штанов тоже успокаивал. Вместо копья – клюшка. Вперед.

Отец! Папа... Папочка-а!

Девушка бросилась к знакомой фигуре возле автомобиля, приткнувшегося в соседнем дворе. И обомлела.

Отец был мертв. Копье, пронзившее его насквозь, пригвоздило тело к дверце машины. Трико потемнело от крови, голова свесилась, как и рука, сжимавшая... такая знакомая кроссовочка. Женькина кроссовка!

Наташка прижалась к убитому папе, не брезгуя его страшным видом и липкой кровью.

- Папуль... папулечка-а! Почему? За что? Па-ап?

Она скулила, ком в горле мешал говорить, да и незачем уже было что-то кому-то говорить. Ее родной человек, еще недавно живой и сильный, теперь оказался мертвым. Заколотым неизвестными убийцами, явившимися из ниоткуда. Злыми гадами, выскочившими из пустоты в мирный город. Чтобы просто убивать невинных горожан. Чтобы гадить!

Женька! Где он? Пап, ты видел нашего Женьку? Ты нашел его? Ну, как же! Конечно, нашел, вот обувь братишки в руке. А где он сам? Неужели?..

В смерть младшего братика Наташка никак не могла поверить, хотя и рядом находился труп отца. И кроссовка его сына. А где сам мальчик?

Изнутри машины послышался всхлип. Сердце девушки чуть не разорвалось на тысячу мелких кусочков. Она чуть целиком не влезла в салон кроссовера, заметила там сжавшегося ребенка, родного милого человечка.

- Женька! Жондосик мой родной. Иди ко мне. Это Наташа, сестра твоя. Ну... не бойся, глупенький, это я. Честно я!

Мальчик в шортиках и рваной футболке не сразу, но все же подался к рукам сестры. Она сграбастала его и сжала так, что тот заскулил.

- Наташ, Наташа! Мне страшно-о. А что с папой?

Девушка смахнула свои слезы, утерла заплаканное лицо братишки, заметила белую прядь над его ухом и заскулила в унисон пацанчику. Как больно было ей сейчас, как тяжело. Не должны дети видеть мертвых родителей! Не должны терпеть горе и ужасы насилия. Так не должно быть!

На миг представила, почти воочию увидела страшную картину спасения отцом сына. Как он нашел Женьку, схватил на руки и побежал, а за ним гнался и гнался обезумевший кочевник.

И догнал...

Она чуть разжала объятия, начала шептать ему что-то успокаивающее, отвернула головку от вида мертвого папы.

- Пошли домой. Я отведу тебя домой, Женька. Быстрее.

А во двор уже на низкорослых лошадях въехали двое кочевников...

- Хана вам, твари!

Наташка то ли подумала так, то ли воскликнула – сама не поняла. Ее сейчас переполняла такая злость, такая обида овладела мозгом, руки стали крепкие, как древко хоккейной клюшки.

А еще она никак не могла снова потерять братишку.

Девчонка с криком бросилась на остолбеневших кочевников, слезших с лошадей, чтобы развлечься с этой молоденькой девицей, и не ожидавших от нее такой прыти.

- Это вам за отца... за папу... за двор... за папу... за Женьку...

Наташка колотила клюшкой азиатов, пытавшихся уйти из-под ее ударов и не соображавших, куда им деваться. Вот только что они были хозяевами этого города, час назад проникшими сквозь пространственно-временную щель, а теперь неожиданно стали жертвами разъяренной девахи.

Один из них извернулся и вынырнул из опасного сектора ветряной мельницы, но не успел вынуть из ножен саблю, как ощутил сильнейшую боль в животе. Хлеборез смачно вошел в тело, пробив мех жилетки. А перо клюшки нещадно рубануло по лицу. Азиат упал и стал корчиться в агонии, зажимая рану с торчавшим ножом.

Другой успел выхватить саблю, но кровь от удара клюшкой застилала ему глаза, а девчонка все время меняла позицию, скакала вокруг жертвы и лупила, лупила, лупила ее хоккейным орудием. Даже когда сломалось перо, палка еще продолжала наносить болезненные удары. Потом в ход пошел топорик.

Пять минут спустя Наташка устало опустилась на окровавленный истоптанный газон, села ягодицами прямо на землю и тяжело задышала. Глаза закрыты, плечи опущены, пальцы дрожат, во рту пересохло. Но ни жалости, ни разочарования, ни тошноты.

Испуганный сценой скоротечной схватки сестры с чужаками братик подошел к девушке и обнял ее.

– Ната! Ната-а?

Сестра подняла голову, от теплого взгляда братишки на сердце стало хорошо как никогда.

– На-ат, ты как Лара Крофт! – восторженно и даже с улыбкой сказал мальчик и поцеловал сестренку в бровь. – Всех врагов победила. Ты сильная у меня! А я думал раньше, что слабачка.

– Ага, Женька... Сильная. Такая сильная, оказывается, что эта Лара Крофт... вообще отдыхает!

Она встала, подобрала топорик и саблю, плюнула на ближний труп и, потрепав братишку за ухом, поплелась с ним к подъезду. Домой.

Глава 5

Участок жизни и смерти

– Городское управление полиции Энска... – дежурный офицер устало кивнул головой, прижал к уху телефонную трубку и прислушался к сообщению. Уже в

который раз сморщил недовольное лицо, не дослушав, в сердцах бросил ее на свое место.

– Да что за день сегодня, – обратился к сидящему рядом помощнику, вопрошающе глядящему на старшего. – Надцатый звонок за последние полчаса, все разные голоса, кричат о том, чтобы срочно приехал наряд, а дальше полнейшая чехарда, «бе-ме», все рывками и ни хрена не поймешь. Что случилось, где именно?.. Правда, прорываются какие-то посторонние звуки, словно петардами кто-то балуется. Так ведь праздника никакого нет и свадьбам рано еще салюты бросать. Ты бы перезвонил на узел связи, что у них там за проблемы со звонками на стационарный телефон.

Сержант понимающе кивнул.

– Уже, Иваныч, пока ты мучился, прислушиваясь к треску, я попробовал их набрать. Результат нулевой, даже вызова нет.

– Фигово... Давай команду от моего имени нарядам, пусть проедутся по улицам вблизи центра, а то стоят небось бензин экономят. Радиостанция-то хоть функциклирует?

– Фунци... что?

– Блин! Работает или нет на прием? Вижу, что ты не работаешь.

Помощник дежурного виновато округлил глаза, даже приподнялся со стула.

– Иваныч, не проверял.

– Военный – это залет! – почти по-киношному рявкнул дежурный.

Сержанта словно ветром сдуло со своего места. Он рванул галопом в сторону стационарной радиостанции, и уже через пару секунд в эфир полетели отрывистые команды.

В ответ прозвучали короткие подтверждения принятого распоряжения.

– Радиосвязь работает, но помехи ужасные. Приняли все экипажи, буду ждать результатов проверки. – Панибратство в таких случаях исключалось напрочь, и помощник, в обычное время по-дружески общавшийся с дежурным, понял, что нужно отвечать четко и по сути. Ведь реально мало ли что могло случиться на улицах города, а завалить службу в период своего дежурства ну никак не хотелось.

Звонки к этому времени прекратились совсем. Капитан поднял трубку телефона, но та уже не подавала признаков жизни. Больше для пафоса, чем для проверки он подул в нее и медленно опустил.

– Вообще сдохла связь. А может, оно и к лучшему? Хотя неопределенность хуже неизвестности.

В груди что-то тревожно ныло, а в мыслях занозой отзывалась мысль, которую капитан старательно гнал от себя, что в городе произошли неприятные события. Как в далеком семнадцатом году прошлого столетия сначала пропала связь, а потом... Тьфу-тьфу-тьфу, лишь бы не сглазить. Будучи слегка суеверным человеком, верящим в приметы, дежурный старался в таких случаях не озвучивать свои опасения вслух, а при подчиненных держаться бодрячком.

Он качнулся на стуле, рывком поднимая свое слегка грузное тело, и подошел к окну, с наружной стороны густо зарешеченному фигурной арматурой.

– Слушай, Степан, – задумчиво прозвучал хрипловатый голос дежурного, – а у нас сегодня никакого художественного мероприятия не запланировано по городу? Хотя вряд ли, на пятиминутке шеф сообщил бы об этом наверняка, – сам себе и ответил.

– Что случилось, Иваныч? – Сержант был рад отвлечься от хрипящей помехами эфира радиостанции.

– Кино, что ли, снимают? – все так же озабоченно сказал дежурный, проигнорировав вопрос сержанта, и продолжил размышления вслух: – Хотя какое, на хрен, кино возле режимного объекта, меня никто в известность не ставил. А ну, пошли постового проверить, что за ряженые возле отдела ошиваются, да еще на мотоциклах по тротуару.

Помощник в два прыжка преодолел расстояние до окна и с интересом уставился в стекло, прежде чем выполнять непонятную команду.

Прямо напротив отдела полиции возле клумбы остановились два мотоцикла неизвестной для него модификации, на сиденьях которых вольготно расположились... самые что ни на есть фашисты времен Великой Отечественной войны, да не просто солдаты, а натуральные эсэсовцы со всеми сопутствовавшими прибабасами в экипировке в виде кожаных плащей и нагрудных жетонов. На груди каждого болтался пистолет-пулемет МП-38/40. Все бы ничего, но сидящие в колясках почти синхронно направили установленные на сошках классические пулеметы МГ-34 (или их муляжи) в сторону здания, угрожая покачивая ими из стороны в сторону.

Можно было бы воспринять комичность происшедшего и всю создающуюся ситуацию списать на артистизм исполнявших свою роль актеров, если бы в стеклянных глазах мнимых артистов не зияла в данный момент некая пустота.

Капитан непроизвольно дернулся с командой дать отбой подчиненному, направленному к этой непонятной шарашке с выполнением проверки, но было уже поздно. Входная дверь приоткрылась, и по ступенькам вальяжно спустился вниз младший сержант полиции, исполняющий обязанности часового и выполняющий задачу по обеспечению пропускного порядка на режимном объекте, экипированный по всем правилам в бронежилет с тупорылым АКСУ на груди. Он еще успел сделать несколько шагов в направлении мотоциклистов, как первый фашист, сидящий в коляске, припал щекой к прикладу пулемета, из которого прозвучала такая неожиданная в наше время очередь, сеявшая пули довольно солидного калибра.

Младшой был сбит с ног струей свинца, даже не осознав в свой последний миг того, что в данный момент с ним произошло. Падая, он продолжал улыбаться, словно все еще намеревался начать приветливое обращение к прибывшим незнакомцам. Легкий бронежилет, не предназначенный для защиты от пуль калибра 7,92 мм, с легкостью принял и пропустил сквозь себя веер огненного смерча, окропляя темную материю алой кровью.

Труп полицейского даже еще не успел соприкоснуться с асфальтом, как внезапная оторопь дежурного сменилась мелкой дрожью всего тела, но профессиональные навыки превысили в данной ситуации человеческую слабость, и он, резко отпрянув от окна, заорал что есть мочи:

– Тревога, вооруженное нападение на отдел!

Это уже серьезно. Сколько раз учебная вводная по данной команде была отработана в штатном режиме, а навыки никогда не пропадают даром. Помощник молниеносно сработал на все сто. Один удар ладошкой по специальной кнопке привел в движение механизм автоматического запора входных дверей, и бронированная плита в центнер весом молниеносно перекрыла свободный для доступа проход, превращая отдел в некое подобие сейфа. Теперь открыть вход возможно будет, лишь зная секретный код, в данный момент находящийся в сейфах дежурки и штаба управления.

Громкая связь не подвела. Сирена взревела на всю мощь электронных «легких» и огласила воплем ближайшую округу. Оперативная группа уже стучала каблуками по лестничной клетке, когда тревожные события начали развиваться вовсе не по накатанному сценарию тренировочной вводной.

Пулеметная очередь прошла огненными искрами по всем оконным рамам, заставив присесть всех присутствующих от осколков якобы пуленепробиваемого стекла. Непонятно, по каким критериям оценивалась его непробиваемость, но огненный смерч оставил свои отметки по всему периметру.

Дежурный по отделу крутанулся юлой после первых вспышек выстрелов по оконным стеклам и извлек из кобуры табельный ПМ.

– Степан, в оружейку!

Согласно инструкции, в случае вооруженного нападения помощник дежурного должен был занять позицию по защите комнаты хранения оружия непосредственно в ней самой. Весь личный состав полиции обязан получить автоматическое оружие, надеть бронежилеты и металлические каски, а потом лишь занять места для обороны на втором и третьем этажах. Но все это добро заперто в КХО, а она находится в противоположной стороне дежурки. Пройти невозможно, а ползти – нет желания, осколки стекла тонким ковром покрыли весь пол.

Первый шок уже прошел, и мысли начали собираться вместе. Пока нападающие не прекратят огонь, пробраться в оружейку не получится никак. Остается одно –

принять бой с тем, что есть в наличии, а это всего лишь несколько «макаровых», которыми вооружена опергруппа, плюс два магазина по восемь патронов каждый да один АКСУ у постового... Стоп, с этим промах, ведь он пал самым первым, а может, и жив еще, истекает кровью... В ближайшее время уже не узнать, да и узнаешь ли вообще. Здесь бы самим уцелеть и отбиться от неизвестно зачем ряженной под фашистов банды злоумышленников.

О том, что это самая настоящая банда, одетая зачем-то в музейную форму немецких солдат времен Третьего рейха, сомнений не возникало ни у кого.

– Ребята, в дежурку не суйтесь, – рискуя сорвать и без того хриплый от курева голос, прокричал капитан, – посекут, ироды!

Непонятно было, услышали ли его в этой вакханалии полицейские, воробушками испуганно присевшие в коридоре, но пока они находились в относительной безопасности под прикрытием настоящего толстостенного пуленепробиваемого стекла, стоящего между ними и дежурной частью, а спереди вообще маячила бронированная плита, но глупые мысли о том, чтобы заскочить внутрь помещения, не возникали ни у кого.

– Валите их с этажей с «макаровых» или хотя бы дайте передышку, а то в оружейку не проскочить.

Патроны у пришлых, казалось, и вовсе не собирались заканчиваться – пули ложились местами кучно, а иногда и хаотично, вопреки разумной логике для любого стреляющего, словно стволами водили из стороны в сторону первобытные люди, впервые нажавшие на спусковой крючок оружия. Противоположная окнам стена уже давно представляла собой дуршлаг.

Словно услышав вопль дежурного, хотя в этом пыльном грохочущем бедламе он вряд ли слышал самого себя, из окон второго этажа робкими хлопками, на фоне стрельбы оружия более крупного калибра, раздались выстрелы ПМ. Проявил нужную инициативу совсем юный еще и робкий для своего возраста участковый инспектор, лейтенант Иванов. Не выспавшись перед работой по уважительной причине флирта с прекрасной особой противоположного пола, парень просто прикорнул за столом и не услышал начала стрельбы по райотделу, а уж тем более команды сбора от дежурного офицера. При первых пулеметных очередях он испуганно соскочил со стула, но из-за онемевших ног грохнулся на пол. Это

его спасло в первый раз, слепые пули зло просвистели над светлыми волосами, лишь опалив кожу на голове, и не причинили лейтенанту никаких повреждений. Растерянность от неожиданности сменилась испугом, и адреналин моментально наполнил тело мелкой дрожью, которая никак не давала справиться с волнением, пока рука лихорадочно нащупывала клапан кобуры. Пистолет, с трудом извлеченный из грубой кожи, мелко трясся в неопытных руках, а глаз с трудом совмещал мушку с целиком, вмиг набежавшая слеза затуманила взор, мешая прицелиться. Пули больше не залетали в кабинет, лишь повизгивали слепым рикошетом от кирпичных стен, да ветер, ощутив свободу продвижения между разбитых стекол, приятно охлаждал разгоряченное лицо.

Большой палец опустил вниз флажок предохранителя, а левая рука оттянула назад затвор, досылая патрон. Все, что ни делается в первый раз, так трудно исполняется. Стрелять же в живых людей лейтенанту не приходилось никогда, хотя он в своих мыслях не раз прокручивал картины красочного задержания преступника, когда тот, картинно взмахивая оружием, угрожающе вскидывал ствол в его сторону, тем самым подпадая под действия статьи, разрешающей работнику полиции привести в готовность огнестрельное оружие и даже применить его. Естественно, лейтенант Иванов всегда был на высоте, и простреленная рука повисала плетью, выпустив, как представлялось, пистолет, а преступник покаянно сдавался на милость закона в лице молодого сотрудника полиции. В реальности все происходило наоборот. Страх сковал все мышцы, сопротивляясь разуму и стремлению исполнить положенный профессиональный долг. Но инстинкты плюс желание исполнить предписанные обязанности требовали свое, и Иванов, дрожа, осторожно выглянул в разбитое окно и резко отпрянул от созерцания увиденного. Мотоциклисты в форме эсэсовского патруля дружно поливали из пулеметов нижнее здание его родного отделения полиции. Выстрелы не прекращались ни на секунду, и лейтенант мысленно представил себя на месте обстреливаемых сослуживцев. Там, по логике вещей, уже не осталось никого живого. Но, тем не менее, на него никто не обращал внимания, а это радовало. Мимолетное время для обзора позволило привести свои чувства в порядок, а затем и свои эмоции.

Первые выстрелы если и были хаотичные, но зато самые прицельные. Даже в тире Иванов никогда не показывал таких результатов.

Первая пуля пришлась пулеметчику прямо в грудь. Тупорылая свинцовая калибра девять миллиметров откинула стрелка на спинку коляски мотоцикла, а пулемет уже вслепую продолжал исполнять свое предназначение, не прекращая

жалить металлом вездесущее пространство. Иванов на миг зажмурился, но, выдохнув, снова продолжил стрельбу по мишеням. Вторая пуля попала автоматчику прямо в кадык, отчего тот свалился со своего сиденья без малейшего крика. Другой пулеметчик, словно очнувшись, отвлекся от первого этажа, поливаемого, как из лейки смертоносным свинцом, перенес огонь на второй этаж, не обращая внимания на безжизненный третий. Стекла трещали и щелкали теперь уже по всему периметру здания, осыпались, морально подавляя его защитников.

Иванов успел укрыться от первых пуль, когда следующая очередь заставила его упасть навзничь и инстинктивно накрыть голову руками. При этом молодой офицер умудрился не потерять табельное оружие, опустевшее наполовину. Этого замешательства в рядах противника было более чем достаточно, чтобы совершить решительный маневр. Капитан заметил паузу в действиях нападавших, и эта заминка сыграла свою роль. Он с быстротой молнии, несмотря на свой внушительный вес, ласточкой взметнулся в сторону КХО и пластом приземлился на пол среди разбитого оконного стекла. Дрожащей рукой достал связку ключей и, найдя нужный, вставил его в замочную скважину.

– Степан, пулей за мной!

Ключ от ниши лежал в условленном для всех смен дежурных месте под вторым противогазом и тотчас оказался в руке капитана. Остальное уже было делом привычных манипуляций по открытию железного ящика. Оружие личного состава, аккуратно расставленное в пирамиде, предстало во всей своей грозной красе, поблескивая вороненой сталью.

Иваныча в первую очередь интересовали патроны к ПМ, снайперская винтовка и пара автоматов Калашникова со снаряженными магазинами. Все это добро с грохотом было сброшено на пол. Дежурный даже скукожился от неприятного звука и самого неприятия такого варварского обращения с огнестрельным оружием. Но время поджимало, а неприятель, опомнившись от краткосрочной паузы, возобновил ураганный огонь по стенам и окнам райотдела. Пули, рикошетом взвизгивая, отскакивали от бетонных стен, грозя изрешетить в своем слепом безумии затаившихся в укрытии полицейских.

Нельзя было медлить, вокруг пылью от вгрызающихся в штукатурку пуль плясала безумно витающая в воздухе смерть. И промедление для должного отпора грозило гибелью каждому присутствующему здесь живому человеку.

Капитан судорожно ссыпал в первую попавшую под руку металлическую каску пээмовские патроны, аккуратно вставленные в пластмассовые колодки по 16 штук, рассчитанные на два снаряженных магазина. Затем схватил ее за ремешок и, словно шар в боулинге, с силой бросил через всю дежурку в сторону кем-то распахнутой входной двери. Попал четко, будто ранее постоянно тренировался. Каска влетела в коридор, потеряв лишь несколько патронов.

Иваныч даже не успел отследить полет запущенного им «снаряда», как уже автоматически присоединил магазин к АК и дослал патрон в патронник, выставил ствол в проем оружейки и послал короткую очередь в сторону разбитых окон.

Оказалось, не зря. В эту минуту в проеме показалась тень врага, пытающегося забросить внутрь помещения предмет, похожий на гранату. Он только-только замахнулся, как его смело наземь неприцельной очередью, отбросив в сторону вместе со смертельным зарядом.

Взрыв прогремел оглушительно, разметав остатки оконного стекла, но за пределами здания, не причинив при этом никакого вреда находящимся внутри людям.

«Уже плюс!» – отметил про себя капитан полиции. Снова возникла заминка среди всполохов огня, и дежурный поспешил воспользоваться этим моментом.

Помощник испуганно лежал на полу, не предпринимая никаких попыток движения, парализованный страхом, и постанывал от ужаса происходящего.

«Пацанюра...» – мелькнуло в мыслях офицера, но он не испытывал к подчиненному никаких чувств презрения или пренебрежения.

Капитан схватил в охапку лежащие на полу автоматы, кое-как распихал по карманам запасные магазины со снаряженными патронами и рывком метнулся в сторону выхода из дежурной части, не забывая при этом резким движением закрыть дверь в оружейку. Хорошо смазанные петли мягко сомкнулись, и замок автоматически закрылся, запирая Степана за вполне надежной дверью. При этом инструкция по защите объекта в случае внезапного нападения на райотдел была абсолютно соблюдена.

Капитан, грузно переваливаясь, пробежал под ураганным огнем противника по ставшей родной комнате дежурной части и почти достиг порога входной двери, как в плечо вонзилась стая ос, опрокидывая его навзничь. Он пробежал по инерции еще пару метров и свалился на руки старшему оперу Котельникову, опасливо пригнувшемуся в ожидании прибытия старшего товарища.

– Б-больно... – только и смог произнести Иваныч, как его взгляд безжизненно уставился в недоумевающее лицо подчиненного.

– Товарищ капитан... Владимир Иванович, ты что?

На губах капитана выступили кровавые пузырьки, и он, слегка дернувшись, замер навсегда. Пулеметные пули прошли насквозь плечо и грудь дежурного, оставив краповые следы на руках опера.

Капитан все еще сжимал охапку из трех автоматов Калашникова.

– Батя... Ты это... не умирай, – тоскливо протянул Котельников, все еще надеясь на благополучный исход.

Спустя минут пять, придя в себя и поднявшись на ноги, опер уже был другим человеком. Жестким и сильным. А еще злым.

– Ну, твари, держитесь! – Котельников подхватил упавшее оружие и, сглатывая подступивший к горлу ком, рванул к верхним этажам. Каску с патронами к ПМ подхватил другой сотрудник.

Схватка только начиналась.

Глава 6

Попаданцы

Никто из горожан даже не догадывался, откуда явились эти враждебно настроенные ряженые. Люди, захваченные врасплох, метались по улицам родного Энска в поисках укрытия, чтобы спрятаться поглубже и подальше от злых, жестоких чужаков. Ведь по прошествии двух десятков лет с начала нового тысячелетия народ расслабился без войн и от слащавых успокоений правительства, обещавшего мир и порядок на все времена. Угрозы в глубинке своей страны люди никак не ожидали. А она явилась так внезапно и жестко, что ее не встретили как полагается, вмиг куда-то подевались все эти хваленые Министерством обороны технологии и военные новшества по защите страны от любого врага.

Где они были сейчас, эти военные? Современная техника, зеленые человечки, системы подавления огня и защиты от массового поражения, тактические боевые звенья быстрого реагирования, полиция, спецотряды Национальной гвардии. Куда подевались в страшные минуты войны?

А тем временем кварталы горели. Черный дым, едкий от тлеющего пластика и химии, охватил половину города, создавая легкую завесу. Множество трупов кислили вид тех горожан, которым повезло находиться в квартирах и на предприятиях. Попаданцы, как прозвали воинов вторжения, особо пока не совались в здания и дома. «Работенки» им хватало и на улицах: случайные жертвы, грабежи, насилия, пьянство. Да и опасно стало соваться попаданцам в защищенные стенами и баррикадами дома, из чрева которых нет-нет, но раздавались выстрелы или летели острые предметы. Энчане, имеющие оружие для охоты и самообороны, умело использовали его против врага, чтобы выжить, чтобы спасти себя и семьи.

Опыта военных действий в современном городе у прибывших из далекого прошлого иноземных убийц не имелось, тактику зачистки зданий они никогда не проходили, поэтому зачастую теряли энное количество своих сподвижников в коротких стычках с местным населением. То из ствола какой-то воинственно настроенный охотничек зарядит в упор дуплетом, то топорик или нож в живот или дубиной по хребту, огнем или кислотой в морду, кипятком за шиворот, кулаком в зубы, ногой в пах или карандашом в глаз. Да, бывало даже и такое, когда пришлые загоняли защищавшегося жителя в угол!

Попаданцы и сами не поняли, что с ними произошло в тот день. Судный день! Все они погибли и легли в сырую землю чужой страны в далекие времена. Кочевники-ордынцы осаждали этот городишко в XIII веке, многие из них пали

тогда под частоколом старинного русского поселения. Тевтонцы, захватывающие эти исконно славянские земли, десятками гибли под напором простых крестьян и дружинников богатых князей. Некогда brave солдаты сильной армии Наполеона сломали свои хребты под стенами пылающего города, когда народ восстал против иноземного врага и при поддержке отдельных мобильных частей Кутузова стал громить французов, а потом гнать их со своей территории. Войска вермахта потерпели фиаско в этом районе: целая дивизия группы армий «Центр» и батальон СС впридачу сгнули в местных лесах и в подворотнях города, который неоднократно горел, разрушался и вновь восстанавливался из руин и пожарищ. Энск стал Энском уже после всего этого, на рубеже двух тысячелетий, когда нынешние президент и правительство решили по какой-то специальной программе строительства закрытых городов стратегического значения сделать из него конфетку, возвести внутри ряд важных объектов типа Спецметро и Геоцирка. Ходили слухи о связи этих учреждений и ученых, работавших в них, с чем-то еще важным и секретным, неподвластным разуму и масштабам, кое было сокрыто где-то в окрестностях Энска. Но что такое огромное можно было спрятать или, наоборот, найти в толще торфа и песков вокруг города в центре европейской части России, местные жители не понимали. Ни полезных ископаемых, ни военных разработок, ни биологических или химических комплексов. Грибы – и те росли в том количестве и сортаменте, что и во всей средней полосе страны. Может быть, это было связано с той аномалией в районе болот, где разом глючила вся радиоэлектроника, глохла техника, плохо чувствовали себя люди: грибники и ягодники, мелиораторы, осушавшие огромное болото, геодезисты, туристы.

Так или иначе, но никто не знал причин нелепостей, происходящих до Судного дня... Как и недоумевали по поводу воинственных чужаков, явившихся из параллельного измерения на улицы Энска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24185580&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/sergey-korotkov/voyna-kupola-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)